

Хомут на лебединую шею

Автор:

Маргарита Южина

Хомут на лебединую шею

Маргарита Южина

У Гутиэры Власовны Клоповой была довольно редкая, но очень нужная людям профессия. Она работала свахой – как блины пекла счастливые браки. Хотя клиенты ей попадались весьма капризные. Один искал только бесхозяйственную жену, полагая, что именно с такой он найдет свое счастье; другой пытался по следу укуса на самых разных продуктах – мясе, сыре или шоколаде – определить характер и склонности будущей спутницы жизни... Но однажды в доверие к свахе и ее семье втерся опасный преступник-убийца, прикинулся женихом. И началось... Теперь вместо счастливых пар в окружении семейства Клоповых стали появляться самые настоящие трупы. Гутиэре ничего другого не оставалось, кроме как переквалифицироваться из свахи в сыщицу – и только так вычислить злодея...

Маргарита Южина

Хомут на лебединую шею

Если бедность – мать преступлений,

То недалекий ум – их отец.

Жан де Лабрюйер

Глава 1

От сумы и от тюрьмы...

Гутиэра Власовна, или в просторечье Гутя, женщина загадочного возраста, сидела посреди комнаты на стуле покрашенная, как артистка немого кино, и ждала Варвару, Варю, рыжую бестию, свою ветреную дочь. Помимо дочери и ее высоченного мужа Фомы, в этой же квартире проживала еще ее родная сестра Алла. В данный момент сестрица барахталась в бассейне, в надежде оставить там свой лишний вес. Но ни с кем из них не хотелось Гутиэре встречаться в последние минуты перед кончиной. Но вот с доченькой... с кровинушкой... Варя должна была заявиться домой еще час назад, и уже час Гутиэра Власовна сидела со скорбным лицом, а прямо над ее головой болталась надежно прилаженная петля. Заслышав щелчок замка, женщина бодро подскочила и принялась натягивать петлю на шею.

Варька, шустрая глазастая девица с огненной косой, пролетела сразу на кухню, и оттуда донесся ее звонкий голос:

– А чего, у нас сегодня опять на ужин быстрорастворимый суп из пакетиков?!

– Варвара! Я бы на твоём месте сначала в комнату заглянула! – оскорбленно рыкнула женщина с петлей на шее, нетерпеливо переминаясь на стуле с ноги на ногу.

– Что, опять моя очередь убираться? – недовольно буркнула дочь. – Ой! Куда это ты, мам? Мы ж люстру вот только неделю назад мыли! А, или ты вешаться... – с интересом вздернула бровки девчонка, заталкивая в рот огромную булку с ломтем колбасы. Потом все же прониклась остротой момента и спросила: – Из-за чего в петлю-то? Тебя что, в магазине толстухой обозвали?

– Да ты сдурела! – обиделась Гутя, которая старалась не делать лишних движений и боялась даже повернуть шею. – На мне же нет ни грамма лишнего! Я вешу пятьдесят восемь килограммов!

– А-а, это ты так взвешиваешься, – язвительно протянула разочарованно Варя и подалась на кухню разбирать пакеты.

– Я не взвешиваюсь! Я вешаюсь. Это, между прочим, две большие разницы!! – крикнула мать. – А ты, как заботливая дочь, могла бы и поинтересоваться, почему я решилась на суицид!!

– Так небось паспорт потеряла и решила, что дальше, как честный гражданин, жить просто не имеешь права. Новый-то тебе вовек не выходить...

– Все гораздо серьезнее! Ты себе не представляешь! Оказывается, победила семья Рачковых! Эта скандальная, крикливая баба и мужик-подкаблучник! А если у нас за хамство и непорядочность дают такие сумасшедшие призы, мне в этом мире не место! – напыщенно проговорила Гутиэра Власовна, в который раз выдергивая шею из петли.

Варька сноровисто вытряхивала из пакетов продукты, нисколько не заботясь о душевных страданиях матушки. Все было предельно ясно – несчастная женщина исправно следила за действием в каком-то очередном шоу. Сегодня оно закончилось, и победили совсем не те персонажи, за кого переживала мать. И Гутя таким образом выражала свое возмущение.

– И ты не собираешься дождаться внуков? – уточнила из кухни Варя.

– Смешно! – в дверях появилась Гутиэра. – Скорее у нашего кота Матвея появятся котята, чем вы расщедритесь на потомство.

Матвея в свое время отвозили к ветеринару, и именно чтобы котят у него никогда не появлялось. Операция прошла успешно, но тем не менее частенько к Гуте стучались соседки, знакомые и прочие сердобольные дамочки и просили отпустить Матвея погостить к своей кошечке, потому как киска спасу нет как скучает.

– Он у нас, простите, кастрированный, – пряча глаза, всякий раз поясняла Гутя.

– Ну хоть на часик дайте! – пытались сломить ее кошачьи сводницы.

– Да от него же никакого толку!

– Ну и хорошо. Но все же отпустите Матвея хоть на двадцать минут!

Варя с Фомой тоже не спешили обзаводиться потомством, и Гутя по этому поводу несказанно страдала.

– И тебя больше не волнует личная жизнь Алочки? – ужаснулась Варька.

Аллочка была младшей сестрицей Гути-Гутиэры. У нее всегда было печальное лицо и редкие волосы. Еще фигура шестьдесят четвертого размера. И за свои сорок лет эта женщина еще ни разу не была замужем. Ее страстью были слезливые сериалы, и даже себя она называла на мексиканский манер Алиссией. Жила Аллочка-Алиссия здесь же с Гутей, и это было понятно. Дело в том, что Гутиэра Власовна, проработав долгое время, как она утверждала, работником умственного труда, то есть кондуктором, однажды, устав сводить концы с концами, решила на кардинальные перемены. Мужа у нее уже давненько не было, Гуте вообще не везло с мужьями, с ними происходили до смешного однообразные истории. Дело в том, что Гутиэра выросла в деревне и, кроме нее, в семье были еще четыре девицы. Батюшка все ждал сына, рождались же одни девки. Отец, однако, продолжал надеяться на появление мальчика, а на дочерей и внимания-то особенного не обращал. Даже имена им придумывал, как выбирают клички коровам – по месяцам рождения: в каком телушка родилась – так и звать ее. Гутя родилась в августе, поэтому изначально ее звали Августой. Это уж потом, когда она посмотрела фильм – «Человек-амфибия», срочно переименовала сама себя в Гутиэру. А еще были сестры: Марта, Майя, Декабрина и Февралина, которая позже поменяла на Аллочку. Все, как и полагается, на выданье. Пока сестрицы искали себе партию среди колхозных трактористов, Гутя уехала в город, удачно выскочила замуж за рыжего Васю и родила девочку – Варьку. Однако молодой семье жилось не вольготно – надо было работать, работать и работать, а с маленькой Варькой сидеть было совсем некому. Нет, можно было, конечно, устроить девочку в ясли, но мать Гутиэры этому воспротивилась и послала Гуте на помощь свою старшенькую дочурку – Марту.

Через два месяца Вася, трясая рыжими кудрями, признавался Гуте, что любит, оказывается, Марту и жить хочет только с ней. Гутя поплакала в подушку и сестру с неверным мужем простила.

Утешить сестрицу из деревни приехала Майя. Однако тоже надолго не задержалась. Через полгода Гутя снова выскочила замуж, и уже этот второй муж, краснея и заикаясь, признался, что, как честный человек, не может не жениться на Майе. После его ухода Гутиэра стойко держалась пять лет, а когда

вышла замуж, матери даже не писала – боялась, что нагрянет Декабрина. Сестрица же и без приглашения приехала поздравить молодоженов и привезла подарки от родителей. С подарками Гутя и осталась: и этот муж не стал нарушать традиций – ушел к Гутиэриной сестре.

Теперь Гутиэра решила не рисковать и сначала пристроить последнюю – младшенькую Аллочку, а уж потом заниматься и собственной судьбой. Аллочка молчком перебралась из деревни в их с Варькой маленькую обитель и терпеливо стала дожидаться принца. А чтобы не проворонить этот светлый миг, когда принц явится за ней на белом коне, Аллочка работой себя не изводила. Только добровольцев на руку перезрелой девицы не находилось, и Гутя однажды поняла – ждать нечего, надо стремиться к лучшему, к деньгам. Удобнее к ним было стремиться, имея начальный капитал, но такового не имелось. Заниматься было опасно, и Гутя выбрала себе бизнес с наименьшими затратами – она стала свахой.

К удивлению Гути, дело это настолько ей удалось, что года через четыре из маленькой комнатки они с Варькой и сестрой переехали в просторную квартиру. Нет, они, конечно, не сумели накопить столько, чтобы ее купить. Просто Гутя весьма удачно выдала замуж дочь одного небедного купчишки за такого же небедного бизнесмена. Честно говоря, ребята бы и сами непременно поженились, но Гутя так упорно крутилась рядом, что создавалось стойкое впечатление, что свадьба состоялась только ее радениями. Батюшки счастливых молодоженов покумекали и решили заплатить свахе за услугу просторной квартирой, тем более что квартирка была бабульки, которую срочно отправили на историческую родину, в Израиль. Гутя, правда, еще доплатила, ну да это старая история. Самой же Гуте понемногу удалось накопить на мебель и даже на машину. Правда, до иномарки они недотянули, но зато «Жигули» были почти новенькие, восьмидесятого года выпуска. Варя была счастлива. Это был тот редкий момент, когда она одобряла решения и действия матери и даже не пыталась спорить. А спорила она всегда, прямо с пеленок. А из непокладистых детишек частенько получают непокладистые взрослые. Уже в восемнадцать лет она притащила в дом длиннющего детину с лохматой головой и огорошила мать:

– Это Фома Неверов, упертый – жуть! Он, наверное, станет моим мужем. Как вы думаете? – и устала на мать с теткой.

Гутя прекрасно знала, что надо было всю охоту и радость и тогда дочурка в считанные минуты изменила бы решение, но тут вмешалась Алиссия:

– Фома! Да еще Неверов! Как вы яхту назовете, так она и поплывет! Это как же с ним жить-то? Да и ты еще дите совсем! Никаких мужей! – властно прикрикнула она и даже топнула ножкой, напоминая пивной бочонок.

– Все, Фома, раздевайся! – радостно улыбнулась дочь. – Теперь мы будем жить вместе, а завтра – в загс!

Алиссия поперхнулась бубликом, который жевала на сон грядущий, и замахала руками перед носом у молодых:

– Ни за что!! У него даже имя криминальное – Фомка! Да чтобы он!..

– Аллочка, доедай бараночку, – усмехнулась рыжая. – Я ничуть не сомневалась, что он придется вам по душе.

А потом сыграли свадьбу. И вот ведь что интересно: Варька, со всеми такая ершистая, колючая, вдруг расцвела, стала тихой и женственной, зато зятек... Он один упрявился за двоих, а с тещей они и вовсе крайне редко находили общий язык. Вдобавок и Варьку еще на свою сторону он перетянул! Вот ведь никак не хочет дочь слушать маму – уже четыре года живут молодые, а детей заводить все еще не думают. К тому же дочка стала совсем не чуткая – вот, например, сейчас не может бросить свои котлеты и кинуться матери на грудь, проводить, так сказать, в последний путь.

– И даже Аллочкино горе тебя не трогает? – повторила она.

– Да какое там горе! Все ждет, что за ней принцы стадами ринутся, а надо самой шевелить мозгами... Ну или чем другим, если мозгов нет, чай не маленькая ведь. Нет, тут только петля, – рассуждала Гутиэра Власовна, уже забыв напрочь, из-за чего она схватилась за веревку.

– Хорошо, вешайся, – спокойно разрешила Варька, мелко нарезаая мясо. – Тогда я наконец-то сделаю бонсаи из твоего фикуса.

Гутиэра Власовна в расстройстве опустилась на табурет. Этого просто нельзя было допустить!

– И не вздумай! Я знаю, где бонсаи можно купить совсем дешево, поезжай в Японию, там есть деревушка Бонсаи-те, уверена, там тебе продадут любое деревце в два раза дешевле!

Однако Варька в Японию ехать не собиралась, а собиралась как раз уродовать красавец-фикус.

Надо побыстрее сдернуть эту петлю. А то Фомка придет, совсем заест тещу издевками. Гутя рванула веревку, и на голову женщины вместе с веревкой рухнула люстра.

– Да что там у тебя?! – вбежала в комнату Варька.

– Ничего... А люстру нам давно менять надо. И где же у нас веничек?

Варька, тяжело вздохнув, притащила веник и стала собирать битые стекляшки, которые лет пятнадцать притворялись хрусталем.

– Иди в ванную, вон у тебя вся голова в стекле, – посоветовала она Гуте, но мать никуда уйти не успела – зазвонил телефон, и Варька протянула ей трубку.

– Слушаю вас, – заученно промурлыкала Гутя.

– Гутиэрочка, кисонька, выручай, – защебетали на том конце провода. – Это я, Ляля Горшкова!

Ляля Горшкова была давней клиенткой Гути. Вот уже три года Гутиэра искала ей жениха и, кажется, наконец нашла – немолодого, длинного, лысоватого и скупого Назара Альбертовича Псова. Псов, конечно, был далеко не секс-символ, ну да и Лялечка, надо сказать, невестой была незавидной: дама сорока семи лет и весом в целый центнер. К тому же Ляля Горшкова имела четверых детей, что тоже весьма затрудняло Гуте сватовство. И все же опытная Гутиэра нашла Ляле Псова, вот что значит сваха от бога!

– Гутиэрочка, рыбка, выручай! – тараторила в трубку Горшкова. – Сегодня я должна встречаться с Псовым, а у меня свадьба! Никак нельзя, чтобы он ко мне заявился!

– Подожди, как свадьба?! Уже?! Я не думала, что вы так стремительно... А как же ты без жениха?

– Гутиэрочка, ты ничего не понимаешь! Я выхожу замуж не за Псова, а за Кукушкина! Замечательный мужчина! Бог! Аполлон! Гутиэрочка, ты не представляешь. Он везет меня на Кипр!

– Подожди... А как тебе удалось-то его зацепить? Ты что, сказала, что он отец твоих четверых детишек? Или у него выборы на носу? Ничего не понимаю... – растерянно лопотала Гутя, пытаясь хоть что-то сообразить.

– Господи, ну неужели так трудно понять?! – начала раздражаться Ляля. – Я просто шепнула ему, что являюсь незаконнорожденной дочерью Пантелеймонова, нашего нефтяного магната. Пожаловалась, что, мол, сейчас папочка меня снабжать не собирается, боится, что кого-то прельстят мои миллионы. Ну а вот если кто меня такую нищую полюбит, тому и... сама понимаешь! Здорово?

– Обалдеть... но ведь он все равно узнает!

– Гутиэра! Ну нельзя же быть такой дремучей! Ну, конечно, узнает. Но ведь потом в силу вступит брачный контракт, а уж я его составила, как надо. Так что не беспокойся, все прекрасно. Только вот Псов... Что с ним делать, никак ума не приложу. Ты бы его к себе вызвала по какой-нибудь причине срочной, а? Тебе он не откажет.

– Ладно, не беспокойся, женихайся спокойно, вызову.

Гутя положила трубку на рычаг и уставилась на Варю, которая уже минут пятнадцать скребла пол веником под ногами матери.

– Ну что, Лялька без тебя устроилась? – озабоченно спросила она Гутю. И вдруг предложила: – А давай нашей Аллочке такую же рекламу устроим. Так-то на нее

не сильно зарятся.

– Да ты что?! Негоже устраивать Аллочкину судьбу на лжи, – возмутилась Гутя и тут же набрала номер покинутого Лялей жениха. Вернее, у самого Псова телефона не водилось, но он работал посменно, и, если повезет, можно было поймать его по рабочему телефону.

Смену Гутя угадала, и к телефону подошел жених, но вот прийти к Аллочке долгое время не соглашался, что-то заикаясь лепетал о своей только народившейся любви к Ляле. Даже через телефонную трубку чувствовалось, до какой степени он не хочет встречаться с новой перезрелой претенденткой.

– Я хочу вам сообщить одну маленькую детальку... – промурлыкала Гутя, потеряв всякое терпение. – Аллочка сказочно богата... да-да... Ну что вы, конечно, все перейдет ее мужу, но только после свадьбы... да... спустя шесть месяцев... Ну почему по завещанию?! Совсем нет, просто Аллочка скоро поймет, что вы ее полюбили не из-за денег!

Псов, вероятно, быстро согласился полюбить Аллочку не из-за денег, потому что назначил встречу на завтра в семь вечера у Гути дома. Только, уточнил он, чтобы дома не было посторонних зрителей.

– Да что вы! Какие же посторонние! Все свои! – уверила его Гутиэра и положила трубку. – Как думаешь, получится? – посмотрела она на дочь.

– Получится, не получится, баба хоть замужем побывает. А то сколько ж можно, ты вон опять сейчас за ней в бассейн пойдешь? Будто она сама не дойдет, – проворчала Варька, заканчивая махать веником.

Гутя и в самом деле всегда отводила и забирала Аллочку из бассейна сама. Сестрица была крайне не приспособлена к жестокой городской жизни. Идти, конечно, не всегда хотелось, но не бросать же сорокалетнюю девчонку одну на поздней улице.

– Варя, а может, сегодня вы с Фомой за ней сходите? – со слабой надеждой спросила она дочь...

- Еще чего! Фомка придет уставший, как черт, а я его за Аллочкой потащу!

Действительно, Фома, в свое время с отличием закончивший медицинский институт, теперь прилежно лечил страдальцев в небольшой частной клинике и был основным добытчиком для большой семьи. Отлынивать от работы не умел и не хотел, отдавал себя полностью любимому делу, а потому домой приходил, как выжатый цитрус, и даже порой не мог есть от усталости. Делать было нечего, и Гутиэра, одевшись потеплее, поехала в спорткомплекс.

В бассейн Аллочку записала, естественно, тоже она, Гутя. Аллочка занималась гидроаэробикой, сгоняла лишний вес в комфортных условиях, и за этот комфорт приходилось платить немалые деньги. Но зато результаты должны были удивить. Однако Гутю удивила тренер, а не результаты.

- Гутиэра Власовна! - взмолилась молодая женщина, которая вела группу. - Заберите вашу сестру, умоляю вас. Ну с ней рядом никто заниматься не может. Она, как прыгнет в бассейн, всех остальных волной захлестывает. А сегодня Веру Дмитриевну, она у нас такая маленькая, ее и вовсе о бортик шмякнуло. А Алла Власовна всего-то навсего только ножкой шевельнула.

Гутиэра печально кивнула.

- Гуть, ну его на фиг это корыто, бассейн твой, - бубнила Аллочка, напяливая яркий спортивный костюм, который купила ей сестра. - Я лучше по телевизору спортом буду заниматься. И вообще ты меня этими занятиями уже совсем измучила! Мне уже всякая ересь мерещится. Вот представляешь, я вчера ночью сплю и вижу сон...

- Ты давай, одевайся быстрее, мы уже одни остались, - торопила Гутя.

- Слышь, говорю, - продолжала Аллочка уже на улице, - вижу мужика во сне... Красивый такой, лица не видать, ног-рук тоже, в темноте все... И вот он подходит ко мне... близко так подошел, поглядел на меня, а потом развернулся и снова ушел. Вот чего.

- Это у тебя гормоны, - здраво рассудила Гутя. - Ничего, выдадим тебя замуж...

Она внимательно поглядела на сестру. Ничего утешающего: рыхлое тело ничуть не пострадало от бассейна, прямые реденькие волосики, нос бульбой, глубоко спрятанные глазки... Может, и права Варька, надо сестрицу хоть мнимым богатством приукрасить. С каждым днем Гуте все труднее было отыскивать женихов, а сама Аллочка будто и не понимала, что от нее требуется. Ну хоть улыбалась бы ласково, подмигнула бы там... Хотя нет, у нее улыбка сразу выдает умственные способности.

- И вообще мне и у тебя неплохо. Не хочу я ни за какой замуж, - гундела Аллочка, торопливо косолапя за сестрой.

- Пойдешь. Завтра же к тебе жениха приведу. У него чудная преданная фамилия
- Псов!

На следующее утро Гутиэра встала вместе с молодыми - в семь и, пока они уничтожали завтрак, провела пятиминутку:

- Значит так, сегодня к Аллочке придет жених...

- Не верю, - буркнул Фома.

- Жуй, не отвлекайся, - одернула мужа Варька и тут же засюсюкала: - А кто-нибудь догадался покормить нашего котика? Матвей, Матюша, тебе мяска бросить?

- Лучше мне брось, - снова отвлекся Фомка. - Уже надоела овсянка, скоро как конь заржу.

- Внимание! - рявкнула Гутиэра. - У нас серьезный вопрос. Так вот, придет жених, поэтому нам надо где-то задержаться, чтобы они могли познакомиться, так сказать, поближе, без посторонних глаз.

- Вот черт! А я как раз хотел пораньше прийти, день у меня сегодня не загружен, - отложил вилку зять.

Варька тоже была совсем не рада. В кои-то веки с Фомкой можно вместе поваляться на диване, а тут – будьте любезны, надо создать идиллию для Алочки!

– Фомочка, а мы можем съездить в ресторанчик, – ласково пропела теща. Но у Фомочки от ее предложения что-то переклинило в горле.

– Ни фиги себе! В ресторанчик! Да у нас денег...

– Нет, ну если тебе жалко денег для твоих дам, то мы, конечно...

– Ничего не жалко! Едем! Где встречаемся? – Фома был верен себе.

Ровно в семь должен был прийти Псов, поэтому уже в половине шестого Гутя маячила возле дверей заштатной забегаловки, которая звучно именовалась рестораном «Волшебный сон». На дворе стояла середина ноября. Темнело рано, и, хотя зима в этом году еще не наступила, холод продирает до костей. Хорошо еще, что Фома с Варварой не заставили себя долго ждать.

В ресторане ничего волшебного не обнаружилось. Кухня была весьма скудной, музыка нудной, лишь официанты хоть как-то оправдывали название заведения – ползали по залу, точно сонные. Кое-как досидев до одиннадцати часов, Неверовы и Гутя стали собираться домой.

– А славно посидели, правда? И музыка приятная... И сардины...

– Мама! Это были не сардины, а осетрина в горшочках! – поправила Варька.

– Не верю! – пробасил Фома, и Гутя с ним согласилась.

Действительно, то, что им подали в горшочках, сильно напоминало уху, которую Варька варит из консервов. Но портить себе настроение не хотелось. После ресторана полагалось быть чуть хмельными и веселыми.

– А вот и мы-ы-ы, – пропела Гутя, едва открыла двери.

Комната ее встретила молчанием.

– Эй! Молодые! Вы где?! – позвала уже и Варька.

Неизвестно, чем там занимались молодые, но отвечать они явно не желали.

– Варенька, не тревожь ты их, может, они спят, – посоветовала Гутя и направилась на кухню. После посещения ресторанов она всегда ужасно хотела есть.

Варька в своей комнате принялась разбирать постель. Рестораны – это хорошо, но завтра с утра ведь идти на работу, а поскольку она устроилась в фирме совсем недавно, то приходилось каждый день удивлять сотрудников пунктуальностью, интересными нарядами, прекрасным цветом лица и незаурядными способностями.

– Варь, а что это у нас так холодно? – пробубнил Фома, входя в комнату. – Опять матушка перед сном помещение проветривает. И что за привычка – вечно балкон настезь!

Фома и сам бы непременно проветрил, но из-за вредности характера не поленился отправиться к балконной двери.

– Ничего себе! – услышался его крик. – Гутиэра Власовна! Варя! Сколько раз говорил – уберитесь на балконе! Вечно всякое барахло повсюду валяется! Вот, пожалуйста! Сейчас даже целый мужик на перилах висит! Варя! Вы не слышите, что ли?!!

На крик супруга прибежала Варя, а уж на Варин визг примчалась и Гутя.

– Варя, что ж ты... Ох ты, черт!! Это кто ж его так?!

Перевалившись через перила, лежал, а точнее, висел Назар Альбертович Псов. Он был в темных брюках, белой рубашке и с каким-то аляпистым галстуком. Вообще жених смотрелся неплохо, если бы не одна деталь – несколько дырочек на рубашке с запекшейся кровью.

– Он мертв, – растерянно констатировал Фома.

Гутя с Варькой только сейчас заметили, что Фома держит несчастного за руку.

– А что с ним? Сердце?

– Какое, на фиг, сердце?! У него все – и сердце! И легкие! И вообще все! Его застрелили! – первой сообразила Варька.

Гутиэра тут же принялась добросовестно выть, даже попробовала причитать, но ей не дали.

– Гутиэра Власовна, прекратите! Идите лучше посмотрите: где Аллочка? – сурово рыкнул Фома.

Гутя направилась в комнату сестры. Она уже отчетливо видела растерзанное тело сестры, она проклинала тот миг, когда ей в голову пришла совершенно дикая мысль – оставить Аллочку с мужчиной наедине. Господи! Бедная девочка не могла смириться с постельным знакомством и застрелила своего жениха и себя! Ах, какая драма! Надо было Гуте это учесть!

Аллочка лежала на широченной постели, раскидав ноги в кружевных чулках с пошлыми подвязками, ее грудь мерно колыхалась под черным, кокетливым пеньюаром.

– И где это ты такое белье выискала?! – вмиг забыв горестные мысли, спросила Гутиэра Власовна. – Алиссия! Ты выглядишь, как непотребная девка! Черт возьми! Что за пошлый вид?!

Алиссия еще раз три смачно всхрапнула и разлепила покрашенные ресницы.

– А где Назар? – басом спросила она. – Он что, уже ушел?

– Нет, Аллочка, теперь он сам вряд ли от тебя уйдет, – влезла Варька, которая тоже волновалась за здоровье тетушки.

– А что это вы все набежали? Мы еще ничего... У нас... Чего это вы приперлись ни свет ни заря? Ну, прям ни минутки наедине...

– Алла! Немедленно одевайся, Назар убит, – скорбно сообщила Гутя.

Аллочка нехотя вылезла из постели, натянула байковый халат и продолжала ворчать:

– И чего только люди не придумают, чтобы не дать девице провести время с приятностью.

– Какая, к черту, приятность! Пока ты храпишь, у тебя всех женихов перестреляют! – кричала Гутя, волоча Аллочку в ванную под холодную воду, чтобы сестрица могла прийти в себя и разъяснить, что же все же произошло.

Прошло еще около часа, прежде чем Аллочка смогла более-менее внятно что-то рассказать.

– Ну... Он пришел, потом мы посидели... потом я говорю... я говорю, пойдём, мол, в постель, чего так-то время терять, скоро и мои вернутся...

– Так ты что, не накрывала стол, как я тебя учила? – ужаснулась Гутиэра.

– А че... он же не ест сюда пришел! Знакомиться – так знакомиться, чего время-то тянуть... – стыдливо глядела в пол несостоявшаяся невеста.

– А музыка? Ты включала музыку? Может, вы танцевали? – спросила Варька.

Аллочка пожевала губами, потом тупо уставилась на девчонку.

– Дык... Я ж не умею эту музыку включать... Я хотела было сама спеть, а он, оказывается, песни не любит. И вот, между прочим, зря. Я у нас-то в деревне всех женихов так привечала! Они потом неделю ушами трясли.

– Хорошо, Аллочка, не отвлекайся, – прервал воспоминания Фома. – И так, ты его пригласила...

– ...у койку. А он говорит, иди, мол, готовься, я сейчас посмотрю, кому я там нужен. Потом к тебе приду. Я и приготовилась.

- Подожди. Кому это он нужен? Где? - насторожился Фома.

- Да я не поняла... А может, он не так сказал. Нет, он сказал - иди, мол, я сейчас к тебе прилечу, моя мышка, мой зай...

- Не ври! - взорвался Фома. - Тут дело серьезное! Мужик с жизнью простился, какая, к черту, мышка!

- Фома! Уймись! - рявкнула Варька, и супруг захлопнул рот. - И чего? Дальше чего было?

- И ничего. Лежала и ждала... Пока вон Гутю не принесло!

- Кого ждала?! Ты храпела, как механизатор! Ждала она... - вскинулась Гутиэра, но потом вдруг как-то разом сникла. - Чего мы сидим-то, надо милицию вызывать.

- Фома уже вызвал, - тихо проговорила Варька. - Сейчас приедут.

Фома метался по кухне, натываясь на стулья, и постоянно ерошил волосы. Гутиэра сидела за столом, обхватив голову руками.

- Если спросят, что он здесь делал, скажем, что случайно за луком зашел, - вдруг всполошилась она.

- Это еще с чего? - остановился Фома. - Какой лук, мужик при полном параде, даже расчесан на пробор!

- Ну и что! А у меня нет лицензии на мою частную деятельность! Налоги заставят платить!

- Давайте скажем, что Аллочка нашла его по объявлению и у них состоялась встреча, - предложила Варька.

Так они и сказали прибывшим стражам порядка. Правда, потом все же пришлось сказать правду милиционерам, потому что Аллочка утверждала, будто объявление она вычитала в газете «Деловой вестник», Варька утверждала, что

это тетушкин знакомый из газеты «Красивая жизнь», а Фома ничего не вспомнил, кроме «Медицинского работника». Беседа с людьми в погонах затянулась. В квартиру набилась целая куча народа – милиционеры куда-то звонили, прибывшие молчаливые парни унесли на носилках тело несчастного Псова, потом какой-то неизвестный мужчина в темном костюме настоятельно требовал, чтобы Аллочка проехала куда-то вместе с ними. Пришлось Фомке звонить всем знакомым и незнакомым, вспоминать старые связи, хлопотать, чтобы растерянную женщину оставили дома. Когда все удалились, захватив с собой Аллочкину подписку о невыезде, было уже около пяти часов утра.

На следующий день Варя появилась в офисе на двадцать минут позже обычного. У директора вытянулось лицо, но опоздания у всех давно вошли в норму, поэтому никакого взыскания Варвара не получила. И все-таки день у нее не задался. Хотя бы потому, что в середине рабочего дня заявила Лена Сорокина. Варя никогда не считала ее подругой, они просто учились в одном классе, но Леночка упорно посещала всех одноклассников.

– Варь! Привет! Я ведь чего к тебе... – начала она с порога. – Ой, слушай, ты чего-то так выглядишь, прям как покойница! Ну да я не об этом. Нам нужно поговорить. Ты не представляешь! Я тебе такое скажу, такое скажу... ты обязательно должна меня за это сводить в ресторан.

– Я только вчера из ресторана. Не хочу, – настороженно проговорила Варя, вглядываясь в одноклассницу.

Сорокина ни за что не прискакала бы посреди бела дня, да еще к ней на работу, если бы новость была хорошая. А за плохую вести ее в ресторан – с какой радости?!

– Это ты зря, – покачала головой Ленка, доставая длинную, тонкую сигарету. – Тебе просто необходимо это знать.

– Ну если уж ты так хочешь, давай сегодня после работы зайдём вон в то кафе, идет?

Сорокина поджала губы, дескать, она не привыкла сидеть в таких слаборазвитых забегаловках. Однако на что не пойдешь ради подруги. Она стряхнула пепел на молочно-белый ковер и благосклонно кивнула. Варька не на

шутку струхнула: если уж Леночка согласна и на такое кафе, то, видимо, новость и впрямь серьезная.

– Слушай, я вчера Ирку Серову встретила, – сразу начала Лена Сорокина, едва дамы вечером встретились за круглым столиком в кафе. – И знаешь, что она мне рассказала? Оказывается, она лечила там какую-то свою ногу у Фомы Неверова. Ну ты же знаешь, это твой муж. Ну так вот, она от твоего Неверова просто визжит! Он, говорит, и красавец, и умница, и ласковый такой! Вот ты скажи, где это она про ласку узнала? Я, Варька, так за тебя переживаю, так переживаю, ты же понимаешь, как Серова на мужиков вешается. Ну и вот, я еле вчера дотерпела, а сегодня прямо с обеда к тебе. Ты это дело на самотек не пускай.

Варя слушала одноклассницу, хлопая глазами. Да, конечно, она прекрасно знала Серову Иру, они вместе с ней и с Сорокиной учились в одном классе и даже какое-то время сидели за одной партой. Ира была яркая девица и к мужскому полу относилась с повышенным трепетом. Если на ее дороге попался Фома, то она не успокоится, пока парень полностью не сойдет от нее с ума. Это уже проверено.

– Варь, я слышала, ваша фирма занимается мехами, нельзя ли мне у вас по дешевке прикупить какую-нибудь шиншиллку, а? Все ж таки за такую новость мне...

– За такую новость тебе бы раньше башку отрубили, – хмуро пробубнила Варя, согревая руки о крошечную кофейную чашку. – Нет у нас шиншилл, не держим. Тем более по дешевке. Хочешь, можем кролика продать.

– Не, ну кролик – это несерьезно. А что, правда башку отрубали?

Варя не стала однокласснице в подробностях описывать, что встарь творили с теми, кто приносил дурную весть, да и к чему? Однако настроение у нее упало ниже нуля.

Ленка Сорокина еще немного посидела, постреляла глазами на молодых парней, которые шумно пировали за соседним столиком, и, пообещав Варе заглянуть на днях к ней в офис, нехотя удалилась. Домой идти Варе не хотелось. Неужели Ирка и в самом деле решит испробовать на Фомке свою привлекательность? Если это так, Варя окажется разведенной. И очень быстро. Ей никак не

сравниться с огромными синими Иркиными глазами, с ее длинными ногами, с тонюсенькой талией и самое главное – с ее гардеробом. А Фомка – он же как ребенок, его захомутать ничего не стоит. Варька так явно представила себе, как красавица Ирка Серова шагает под ручку с ее, с Варькиным, мужем, что разревелась. Все было плохо! И дома вчера такая неприятность с покойником, и теперь еще вот единственный муж...

– Девушка, вам плохо? – обратился к ней приятный парень, сидевший за соседним столиком. – Может, вам чем-нибудь помочь?

– Ничем мне не надо помогать! – со злостью рявкнула Варька. – Знаем мы вас, помогальщиков! У самого небось жена дома все глаза проглядела, а он тут чужим бабам помогать собирается!

Парень испуганно отшатнулся, а обратившись к друзьям, выразительно покрутил пальцем у виска. Больше Варвара здесь не задерживалась. Она неслась домой.

Дни наступили тревожные и неприятные. Фома Неверов являлся домой совершенно без сил. Мало того, что на работе не продохнешь, так еще и в милицию постоянно вызывают. И еще оказывается, Фома в этой самой милиции ведет себя совершенно неправильным образом. Ну конечно, вместо того, чтобы прибыть и скромно уставить в пол в ожидании вопросов, Фома Леонидович каждый раз налетал на служителей закона с вопросами:

– Ну? И что у нас там случилось?

– Вот это мы и хотим от вас узнать, – попытался осадить его грузный дядечка по фамилии Кузин.

– А сами? Какие-то сдвиги есть? Кто это на нашем балконе стрельбу устроил? – не терял пыла Неверов.

Только во второе посещение капитану Кузину, которому, вероятно, поручили это дело, с большим трудом удалось остепенить свидетеля. У него даже получилось задать Фоме парочку вопросов, но под конец Фома Неверов все же вынудил

милиционера сознаться:

– Да! У нас есть версия! По нашим предположениям, в мужика этого, в Псова, вообще попали по чистой случайности. Ну, играли ребятишки на стройке, стреляли холостыми и... ну... случайно застрелили вашего гостя.

– Не верю! – взорвался Фома.

– А вас никто и не спрашивает, верите вы или нет. Вы хотели узнать, что у вас случилось, я вам популярно объяснил, – устало вытер пот Кузин.

Фома вскочил со стула и принялся шагать по маленькому, точно лифт, кабинету. Он широко размахивал руками, ерошил волосы и громогласно вопрошал:

– Вы хотите мне сказать, что холостая пуля случайно залетела на наш балкон и попала в грудь Псова. Потом так же случайно залетели еще две? И уже по абсолютному недоразумению холостые патроны оказались боевыми, так, что ли? Вы это мне хотите сказать?

– Я вам хочу сказать только одно – я уже закончил опрос, вы можете быть совершенно свободны. И еще я вам хочу доложить, что, кроме вашей Аллы Власовны, никого в квартире не было. Согласитесь, как-то уж слишком странно получается – дамочка приглашает мужчину на первое романтическое знакомство и тут же спокойно засыпает в самый неподходящий момент. Вы считаете, это нормально?

Фома опять забегал по крохотному кабинету.

– Да вы ее просто не знаете! Для нее это нормально! Она... Ну, хотела продолжить женщина знакомство в спальне, чего особенного, чай, не первоклассница – сорок уже! Ну и расположилась, ждала, ждала и... и уснула, с кем не случается. А вы что думаете, она пристрелила Псова и спокойно улеглась спать? Наша Аллочка не совсем идиотка, это она просто выглядит так, а на самом деле... Да и потом, зачем ей убивать единственного жениха? И к тому же вы не нашли орудия убийства! А без него вы не имеете права!..

– Ой-й-й, хватит! Только не начинайте мне еще мои права перечислять! – потерял терпение собеседник. – Идите, наш с вами разговор окончен.

– Нет, позвольте!..

– Не позволю! – взвизгнул раздосадованный Кузин и заверещал во всю силу легких: – Иванищенко!! Немедленно выведи этого говоруна! Мне еще полдня работать, а он меня уже из себя вывел! И больше чтобы глаза мои его никогда не видели!

Фома, конечно, обиделся и ушел. В конце концов, у него целый ворох своих забот, пусть о Псове голова болит у Кузина. В поликлинике возле его кабинета урчала длиннохвостая очередь. Пришлось задержаться на работе, чтобы всех принять. И вот теперь совсем разбитый Фома плелся домой.

– А вот и наш Фомочка, – ласково запела теща прямо в прихожей.

И уж если Варина матушка так медово встречает родимого зятя, значит, в доме гости, это уже верная народная примета.

– Здравствуйте, Фома Леонидович, – басил плотный высокий мужчина, сверкая безупречными вставными зубами.

– Надеюсь, вам представлять друг друга не нужно, – продолжала цвести Гутя.

Фома только криво улыбнулся. Еще бы! Конечно, не нужно, потому что перед ним стоял бог и царь – Федорин Игорь Иванович, главврач поликлиники, где Фома Леонидович трудился.

– А что это ты, батенька, домой не торопишься? Времени-то уже... – по-отечески пожурил Фому Игорь Иванович. – Ох уж эта молодежь! Ведь я сколько раз говорил вашему Фоме Леонидовичу – ступай в отпуск, отдохни, так ведь нет! Ни в какую!

Фома захлебнулся негодованием. Еще позавчера он лично обращался к главному с просьбой отпустить его в отпуск, мол, год кончается, а он так и не отгулял. Напомнить ему ответ, что ли?

– А вы его отпустите, он сейчас не откажется, – тучей насупилась Варвара, которая сидела тут же и тихонько прихлебывала горячий чай.

– А я и отправляю – иди, Фома Леонидович! Отдохни! Тещу порадуя, жену. Ну как? Тебе с завтрашнего оформишь?

– Гутиэра Власовна, скажите мне, недалекому: что вы такое ему пообещали? – спросил Фома, едва за Игорем Ивановичем закрылась дверь. – Вы же просто волшебница!

Гутиэра сначала отмахивалась, но потом поделилась секретом:

– Да нет здесь никакого волшебства. Просто ваш Федорин купил себе новый дом, а тещу к себе перетаскивать не хочет. Ну, естественно, жене об этом даже заикаться боится. Вот и придумал – бабушку выдать замуж.

– И кто на нее польститесь? – выплыла из своей комнаты Алиссия в мятом халате.

– Да есть у меня один женишок... Ой, Аллочка, а ты зачем же поднялась? Ты же себя так неважно чувствуешь! – забегала вокруг дебелий Аллочки Гутиэра.

Алиссия сегодня весь день валялась на диване и пребывала в трауре. Правда, она и раньше только и делала, что продавливала диван, но сегодня у нее был замечательный повод для лени – она оплакивала свою несостоявшуюся семейную жизнь. А ведь как славно все начиналось. Псов на самом деле поверил, что Аллочка – внебрачная дочь магната. Потенциальный мужчина просто сжигал ее своим взглядом, и засидевшаяся в девках невеста вся раскисла от его обходительности. Правда, мужик отчего-то все никак не торопился доказать свою любовь, это его и сгубило. Зато теперь он упокоился, а вот ее, Аллочку, несколько часов заставляли бубнить одно и то же – рассказывать, как они с Псовым провели вечер. Можно подумать, этот рассказ доставлял ей эстетическое наслаждение!

– Пойдем, Фома, я тебя покормлю, – позвала Варвара мужа и, повыше вздернув подбородок, направилась на кухню.

– Я, Варюша, так устал, что даже есть не хочу, – пролепетал Фома, отправляясь в свою комнату поближе к телевизору.

Варька насторожилась, и ей тут же вспомнилось появление одноклассницы Ленки.

– И где это ты устал? Чего это ты вчера, как пришел, сразу к кастрюлям понесся, а сегодня у тебя приступ усталости?

– Варь, давай фильм посмотрим, а? Гляди, твой любимый артист играет...

– Вот уж не надо про артиста! – чуть не ревела Варя, подозревая любимого в измене с Иркочкой Серовой. – Объясни толком – где был?!

Истерические вопли Варвары были замечательно слышны в соседней комнате, где Гутя с Аллочкой в очередной раз прорабатывали газету с рубрикой знакомств.

– Вот она, твоя семейная жизнь, – себе под нос ворчала Аллочка. – Уж если Варька с Фомой грызутся, представляю, как я на своего мужика орать буду. А мне это надо? У тебя живу себе тихонько, ни забот, ни ругани.

Гутиэра в задумчивости погладила кота Матвея, который вальяжно вспрыгнул на стол и с кошачьей наглостью улегся прямо на самого завидного жениха в газете.

– Варенька, девочка моя, ну что у тебя случилось? – доносилось сквозь стену.

– Вот! – победно уставилась на сестру Гутя. – Кто тебя, кроме мужа, будет называть своей девочкой?

– Ладно, схожу замуж, – согласилась Алиссия, скидывая кота на пол и утыкаясь рыхлым носом в объявления.

– Замолчи немедленно! И не смей из меня делать дуру! – выходила из себя Варька.

– Нет, Гутя, не пойду, – снова заартачилась Аллочка. – Он из нее дуру делает.

Гутиэра не успела ответить, позвонили в дверь.

На пороге стояла неизвестная дама в короткой шубе, в сапогах, которые были такие грязные, будто дама добиралась пешком через песчаный карьер, и в ярком полосатом шарфе. Незнакомка стреляла сильно накрашенными глазами и кривила крупные губы, обведенные фиолетовой помадой.

– Квартира Неверовых? – спросила она тоном начальницы, которую обворовали собственные подчиненные.

Квартира была Гутина, но как-то с Варькиным замужеством вся семья стала зваться Неверовыми, это, конечно, было неправильно, и Гутя с Аллочкой стали как бы самозванками. Ну да так, видимо, всем было удобнее. И потом, не говорить же каждому встречному-поперечному, что ты Гутиэра Власовна Клопова! Неверовы куда звучнее.

– Д-да... Это наша квартира, – постаралась сохранить достоинство Гутя.

– Вы, стало быть, невеста моего мужа? – злобно рыкнула гостя и прошла в комнату без приглашения.

Она по-свойски скинула шубку на диван, плюхнулась в кресло, взбрыкнув ногами в грязных сапогах. С сапог немедленно отвалились куски грязи на чистый ковер.

– Простите, а вы кто? – догадалась наконец спросить Гутя. – И почему вы решили, что я какая-то невеста?

– Начнем с того, что я – Кукина Лилия Семеновна...

– У меня никогда не было жениха по фамилии Кукин, – перебила ее Гутиэра.

– Зато у вас был Псов! А я его гражданская жена! И уже семнадцать лет! А вы, я так поняла, его невеста! – не снижала тона Кукина.

Гутиэра, ничего не понимая, опустилась на стул. Вопли Варвары за стеной прекратились, и в комнате повисла минутная тишина.

– Ни фиги! Это я невеста! – вдруг заявила Аллочка и поднялась во весь свой рост, блистая засаленным халатом на животе.

– Ага!! Вот кто мешочек с деньгами! – хищно сверкнула улыбкой гражданская жена Псова. – Весьма солидный, надо сказать, кошелек. Правда, довольно потрепанный, ну да стар золотник, да золотник, чего уж там. Значит, я к вам.

Аллочка несколько стушевалась. Она совершенно не умела общаться с женами своих женихов, тем более что последних у нее были, надо сказать, не толпы.

– В чем, собственно, дело? – серьезно нахмурилась Гутя.

– Так я вам и пришла рассказать, – с готовностью подхватила Кукина. – Дело в том, что мы с Назаром живем уже семнадцать лет. И разводиться он со мной не собирался. Ну, вы сами понимаете, ни одному мужику и в голову не придет сменить такую, как я, на это чучело, – кивнула она на пригорюнившуюся Аллочку. – Псов занимался тем, что охмурял подобных дурочек, выкачивал из них деньги, на что, собственно, и содержал семью. Если вам интересно, могу сказать, что у него имеются двое детей – мальчик и девочка, которых он любил безмерно и ни в чем им не отказывал. Вот, полюбуйте на крошек, правда, они прелестны?

Кукина достала из крохотной сумочки цветное фото и милостиво пригласила полюбоваться детьми. На фотографии двое детей с сытыми мордами презрительно смотрели в объектив.

– И что же вы хотите? – не утерпела Варька. Она уже давно пробралась в комнату и теперь с интересом наблюдала, как развиваются события.

– Ох, боже мой! Неужели трудно догадаться? – всплеснула руками гражданская вдова. – Назар пошел к вам, здесь его убили, и, естественно, теперь мы обречены на нищенское существование! Но вы же не думаете, что я буду стоять у вокзала с протянутой рукой! Все очень просто, вы мне должны выплатить пенсию по утере кормильца!

Варенька судорожно сглотнула, по Гутиному лицу побежала судорога, а Аллочка отчего-то начала неприлично икать.

- А... А почему мы?.. - наконец вымолвила Гутя.

- Ну как же! Ведь он погиб, так скажем, на предприятии! На рабочем месте! То есть у вас. Еще большой вопрос, не вы ли его пристрелили. Поэтому и получается, что пенсию платить вам, - спокойно разъяснила Кукина Лилия Семеновна и затянулась сигареткой.

- И вы будете приходить к нам каждый месяц? - испуганно пролепетала Варя.

- Нет, ну можно раз в полгода, если вы способны выложить всю сумму сразу. Я вот тут подсчитала, вы мне в месяц должны выплатить... так, дайте-ка посмотрю, вот у меня в книжечке... Ага! В месяц вы мне должны пятьдесят тысяч, а за полгода, следовательно триста, а за год...

- Стоп! А с чего вы решили, что мы вам будем платить? - пришла в себя Варька.

Кукина снисходительно усмехнулась и стряхнула пепел в горшок с азалией. - А куда вы денетесь? В противном случае я подниму такую шумиху вокруг свахи Гутиэры, что вы первые на паперть побежите!

- Не верю! - вдруг раздался внушительный бас Фомы. - У нас достаточно средств, чтобы прокормиться, а тещино увлечение скорее хобби! Я давно пытался ее отговорить от этих сомнительных знакомств, она все время упиралась, а теперь с вашей помощью в наш дом придет наконец покой, прекратятся эти постоянные звонки, женихи, невесты...

- Да?! А мы?! - взревела Кукина. - Вам не жаль бедных сирот?! Вы должны нас содержать, мы потеряли кормильца!

- Мы, между прочим, вашего кормильца не трогали! - красиво сказала Аллочка.

Неожиданно Кукина легко успокоилась и снова скинула столбик пепла в азалию.

- Хорошо, тогда найдите того, кто это сделал. Найдите, а я уж вытрясу из него не только пенсию, он меня еще на Канары каждые полгода будет отправлять. Вместе с детьми, конечно.

Неверовы переглянулись.

– Я понимаю, вам нужен врач, но я не психиатр, – растерянно развел руками Фома.

– Мне не нужен врач! – поросенком завизжала Кукина. – Я несчастная женщина! Мне нужен убийца моего мужа!

– Успокойтесь, милиция ищет...

– Милиция?! Вы говорите, милиция?! Они его найдут, и что?! Его сразу же упрячут за решетку, а как я тогда вытрясу с преступника деньги?! Вот и получается, что должны платить мне вы!

– Мы лучше сами злодея найдем, – поспешно проговорила Гутя и быстренько притащила листок бумаги и ручку. – Вы нам оставляете свой телефон и адрес, вот здесь напишите... так... хорошо, а мы вам позвоним, как только вы нам понадобится. Поиск преступника – дело серьезное, его за один вечер не раскроешь. А сейчас прошу вас оставить нашу семью, нам о многом нужно подумать.

– Ага... Это... подумайте. А потом обязательно позвоните, а то как же мы... с малютками...

Старшей малютке, судя по фотографии, было не меньше семнадцати, но об этом как-то не хотелось говорить несчастной вдове.

– Ну-ка, брысь! – взвизгнула гостя, беря свою шубку. На мягком, нежном мехе валялся Матвей и терзал шкуру когтями. Клочки шерсти валялись на полу, разлетелись по всей комнате, даже витали в воздухе. – Теперь придется новую покупать.

– Если будете себя хорошо вести, теща вам такого жениха отыщет, который вам купит три шубы! – от чистого сердца пообещал Фома.

Кукина приостановилась, и в ее глазах зажегся неподдельный интерес. Однако Варька, заметив перемену в настроении незваной гостии, решительно

подтолкнула Лилию Семеновну к входной двери.

- Потом, потом, еще мужа не похоронили, - проворчала она и захлопнула дверь.

Некоторое время домочадцы молчали, а потом Аллочка не выдержала:

- Жениха ей... с шубами... самим не хватает...

- А я вот о другом думаю, - наморщив лоб, проговорил Фома. - Гутиэра Власовна, у нас есть что-нибудь поесть? Я голодный, как волк... Варя! И когда ты меня начнешь кормить по-человечески?!

Глава 2

Тропой холостого мужчины

Поздно вечером за кухонным столом собрались все Неверовы, включая кота Матвея. Последний заунывно мяукал возле пустой миски.

- Вот что я думаю... - медленно начал Фома. - Нам придется самим искать преступника. Мне совсем не нравится наш разговор с капитаном Кузиным. Уж не знаю, что он имел в виду, но чудится мне, что, если убийцу не найдут, запросто это дело могут на Аллочку повесить.

- Правильно! Ты, Фома, хоть частенько и мелешь всякую ерунду, но сейчас, я считаю, ты прав! Мы должны отыскать этого мерзавца! - хорохорилась Гутя. - Эдак он мне вообще работать не даст! Всех женихов распугает!

- Ага! Ничего себе - в тюрьму, вот так, за здорово живешь! - активно поддерживала сестру всегда сонная Аллочка. - Преступник, значит, охотится тут, а мне отдуваться? И может, он еще красавец писанный, тогда пусть только попробует на мне не жениться, сразу в милицию сдадим!

– О-о-ой, – вздыхала Варька. – Да что вам, своих забот мало? Вы даже себе представить не можете...

– А я говорю – найдем!

– А вдруг у него еще и отдельная жилплощадь... и дача... Надо найти и женить на мне! – продолжала мычать Алиссия.

– Какой из него жених?! Он тебя за твое занудство расстреляет в первый же день!

– Мя-а-ау!! – взревел возмущенный всеобщим невниманием кот и прыгнул прямо на середину стола.

– Моя бедная киска, сейчас я тебе мяска дам... хочешь мяска? – тут же засюсюкала Варька, а все остальные дружно примолкли и только смотрели, как кот торопливо утаскивает куски мяса в комнату, чтобы насладиться ужином в тишине.

– Хорошо, с чего начнем? – наконец обрел дар речи Фома.

– С пиджака, – стыдливо проговорила Аллочка. – Когда Псов пришел, он пиджак на стул повесил... А потом его забрали, а пиджак оставили.

– И ты молчала?! Надо было вернуть вещь этой Кукиной, она же Псову вдовой приходится, – покачала головой Варька.

Аллочка молчала. Ну как ей объяснишь, этой ветреной девчонке, что она, Алиссия, изредка поглаживает этот пиджак, вдыхает аромат недорого табака, селедки, еще чего-то такого же приятного, в общем, аромат хозяина, и так ей гораздо приятнее горевать... и чувствовать себя неудачницей.

Аллочка нехотя извлекла из шкафа серый, далеко не новый пиджак, и Фома накинулся на него, как коршун.

– Та-а-ак, в этом кармане только троллейбусный билет... Здесь какая-то пуговица... А в этом... Ого! Паспорт! И еще бумажка какая-то, это, наверное, не

надо...

– Не вздумай ничего выкидывать! – вскинулась Гутиэра. – Видишь, на этой бумажке цифры... А куда их прилепить, эти цифры?..

В паспорте значилось, что его владелец, Псов Назар Альбертович, родился в деревне Мандариновка в сорок восьмом году. Ни загсовского штампа, ни упоминания о детях в паспорте не было. Зато было место прописки – Калининская, восемьдесят пять, квартира шестьдесят девять.

– Странно, а у этой Кукиной, по-моему, совсем другой адрес, – пролепетала Гутя.

– Правильно, они же не зарегистрированы, кто его пропишет к ней. Значит, решено, завтра я на Калининскую, восемьдесят пять, а вы, уважаемые дамы, отправитесь к госпоже вдове, – командовал Фома. – И, кстати, набросайте вопросы, чтобы завтра не краснеть.

– Я тоже с тобой на Калининскую, – поспешно вставила Варька.

– Это еще зачем? – уставился на нее муж.

– Н-ну... мне это больше нравится, – как-то невразумительно промямлила Варька. Про свою одноклассницу Серову, которая положила свой бесстыжий глаз на мужа, она решила Фоме не докладывать.

Ночью, уже лежа в кровати, Гутя продолжала анализировать ситуацию. Ей в голову пришла странная мысль – а почему, собственно, они решили, что Кукина является настоящей женой Псова, пусть даже гражданской? Однако они уже все равно решили найти преступника, так что, кем там приходится кто, это уже не столь важно.

На следующий день Гутиэра проснулась от настойчивого жужжания. Жужжала Аллочка. Вернее, не она, а фен, которым перезрелая прелестница укладывала свои кудри. Фен раздувал волосы в разные стороны, и прическа от этого страдала все сильнее. В конце концов, когда бытовой прибор был выключен, на голове у сестрицы красовалась композиция «Не одна я в поле кувыркалась».

– Аллочка, ты зачем вскочила в такую рань? На часах еще десяти нет, – сонно бормотала Гутя.

– Серьезные дела решаются с утра! Кто рано встает, тот всем тапки подает, по моему, так говорится... – посыпались из уст Аллочки пословицы и поговорки.

Гутя поднялась и прошлепала в ванную. Конечно, она в такую рань никогда не поднималась, другое дело, Фома с Варварой, они уже унеслись на работу. Аллочка, конечно, где-то права, кто раньше встал, того раньше и съели... Тьфу ты, все в голове перемешалось.

Аллочка напялила на себя яркое, как ей казалось, пальто невзрачного серого цвета, прикрыла голову вязаной шапочкой и уже топталась в коридоре, поджидая Гутю.

– Аллочка, ты бы сняла это убожество с головы, ну есть же что другое надеть, – недовольно пробубнила Гутя, придирчиво оглядев свою сорокалетнюю сестрицу, которая успешно могла бы сойти за бабуся преклонных годов.

– А я считаю, скромность никогда не помешает. Главное, чтобы у человека внутри... внутренние органы в порядке были... – поучала сестру Аллочка.

Потом она уставилась в зеркало и решительно сдернула с головы шапку:

– А что у нас Варька носит? Может, мне примерить ее шляпку?

– Лучше мою надень, чего уж людей смешить...

Разобравшись кое-как с одеждой, сестры направились по адресу, который им оставила Кукина.

Лилия Семеновна жила в новом районе, ее дом располагался как раз между двумя крупными магазинами и аптекой. Найти нужную квартиру и вовсе труда не составило. Сестры позвонили, и за дверью раздались чьи-то уверенные шаги.

– Ага... пришли, значит... проходите, – смерил их взглядом высокий молодой мужчина в спортивных штанах и в синей фирменной майке.

Сестры прошли в прихожую, дальше молодой человек дам не пустил, загородив проход своей мощной грудью. Прорываться сквозь такую преграду сестры не решились. Впрочем, они и здесь могли подождать кого надо, и Гутя уже совсем было собралась спросить про Кукину Лилию Семеновну, но парень не дал ей и рта открыть.

– Хочу вам сразу сообщить – памперсы, к вашему сведению, мы не носим! – категорически заявил он, строго глядя на Гутю.

– Я за вас рада, – растерявшись, пролепетала Гутиэра.

– Ага... а в какие игры вы играете? – продолжил беседу хозяин квартиры.

– Я только в дурака, – неуверенно ответила Аллочка.

– Чувство юмора? Это нам подходит... А песни? Какие песни поете?

Ободренная Алиссия тут же начала перечислять весь свой деревенский репертуар:

– «Виновата ли я», потом «Я те дам, че ты хочешь», потом еще «Не вейтесь, чайки, над морем»...

– Ну хватит уже! Пошутили – и хватит! – строго оборвал ее противник памперсов. – Я вас серьезно спрашиваю – какие вы песни собираетесь петь?

Гутиэра уже поняла, что их принимают за кого-то другого, но чего парень хочет, никак не могла сообразить.

– Подождите, так у вас здесь что – студия звукозаписи?

– У нас здесь квартира! Мы ждем няню по объявлению для наших шестимесячных близнецов. А вам что – нужна студия? – теряя терпение, спросил мужчина.

– Нам нужна квартира. Кукина Лилия Семеновна здесь проживает? – наконец удалось спросить Гуте.

– Ага, стало быть, ошибочка вышла. А мне уже приглянулась вот эта бабушка, – ткнул парень пальцем в сторону Аллочки. – Лицо такое старческое, наивное, а сама еще ничего, крепкая... Не судьба. А Кукина?.. Никакой Кукиной здесь нет. И никогда не было. Мы первые заселились в этот дом, – вежливо проинформировал парень и тут же бесцеремонно выставил дам за двери. – Стало быть, прощайте. Ступайте, вас ждут великие дела, а мне, простите, некогда.

– Вот, Аллочка, какого тебе мужа нужно, – с глубоким вздохом проговорила Гутиэра, спускаясь по лестнице. – Мамочка черт знает где болтается, а папенька о детских попках печется.

Аллочка, что-то бубня, плелась рядом.

– Ладно, сестрица, не горюй, найдем мы и тебе мужика.

Женщины вышли из подъезда и уселись на лавочку. Мимо пробежали дети, пыхтя протащила полные сумки какая-то тетка. Можно было спросить у нее, не проживает ли здесь Лилия Семеновна в какой-нибудь другой квартире, но что-то подсказывало Гуте, что по этому адресу искать вдову бесполезно.

Аллочка сидела молча, только сконфуженно улыбалась и как-то странно водила бесцветными глазками.

– Что это с тобой? – не на шутку обеспокоилась Гутя, наблюдая за непонятными ужимками сестры. – Ну чистая мартышка!

– Не мешай! – рявкнула Аллочка, на минуту прекращая вращать глазами. – Не видишь, я вон тому мужику глазки корчу... строю! Надо самой о своем будущем думать, а то сколько еще ждать, пока кто-нибудь из твоих клиенток от жениха откажется!

Гутя на секунду замолчала, а потом вскочила:

– Аллочка! Ты у меня гений сыска! Я знаю, куда мы теперь пойдём!

– В мужскую баню? – с тихой надеждой спросила Аллочка сестру, но Гутиэра уже неслась во всю прыть к остановке.

– К Ляле! К Горшковой! – кричала она на ходу. – Лялька – первая невеста Псова. Вполне может быть, что ей он успел больше о себе поведать, чем тебе!

Фома Леонидович с самого утра принимал своих пациентов и даже сбегал к главному, подписал заявление на отпуск. Какая радость! С завтрашнего дня он может смело не выходить в клинику! Отпуск!..

За дверью кабинета было тихо, прием уже закончился, и можно было с чистой совестью ехать домой. Хотя нет, не домой, а по адресочку, по которому проживал Псов. Фома набросил пальто, собрал кое-какие вещички, чтобы не потерялись за время отпуска, и выпорхнул за дверь.

Возле кабинета скромненько сидела девушка.

Фома помнил ее, это была его пациентка, у нее что-то там с ногой. Ну так он же сказал, что больше приходить не стоит!

– Фома Леонидович... – еле слышно прошептала пациентка, опустив глаза и хлопая себя по щекам длинными ресницами, – я к вам.

– И совершенно напрасно. Я же объяснял вам, что никаких проблем нет, обыкновенный ушиб, – топтался возле нее Фома. – Идите домой, если будут жалобы, приходите в четверг, в четырнадцать тридцать, к хирургу Зверевой.

– Вы что – смеетесь надо мной? Чтобы я к врачу с такой фамилией больную ногу понесла! – возмутилась болезная.

– У вас не больная нога, – уже настойчиво повторил Фома и стал продвигаться к выходу. – У вас уже все в норме.

Девушка вскинула на врача полные слез глаза и трясущимися губами проблеяла:

– Как... как вы можете? Вы даже меня... не осмотрели...

Фома воздел глаза к небу, но просто выгнать пациентку он никак не мог.

– Хорошо, заходите, – достал он ключ от двери.

Людочка, медсестра, уже убежала, а замок защелкивался сам, и, чтобы его открыть, надо было немало потрудиться. И все это отнимало время, а потому злило. Фома вертел ключ, но он упорно проворачивался в замке и открывать кабинет не собирался.

– Давайте, я попробую, – мило проговорила глазастая пациентка и, шустро вскочив, прикинула плечиком к плечу врача. Фома невольно обратил внимание на то, что капризная нога совершенно безболезненно на это отреагировала. Дамочка всю налегала на «больную» конечность и даже не вспоминала, что по сценарию надо было морщиться от боли. Наконец дверь сжалась и распахнулась.

– Ну что там у вас? – устало спросил Фома, подходя к столу.

На столе нахально блестели ключи от машины. Так и есть, он опять их забыл! Вот, хорош бы он был – явился на стоянку и стопроцентно считал бы, что ключи потерял. Фома усмехнулся, развернулся к пациентке и обалдел.

Больная сидела в совершенном стиле ню, и из одежды на ней были только бинты где-то на щиколотке...

– Вы у нас кто? Кажется... Серова? – попытался сохранить спокойствие Фома.

– Да-а, я Ирина Серова-а-а, – мурлыкала бесстыдница, по-кошачьи выгибая спину.

– Ага... Вот что, Ирина, сбегайте за карточкой в регистратуру. У меня ее уже нет, – равнодушно проговорил Фома Леонидович и уткнулся в толстенный журнал.

– К-как... как то есть в регистратуру? Это вы что, издеваетесь, да? А нога? У меня страшно болит нога!

– Не верю. Она у вас прекрасно себя чувствовала, когда вы дверь терзали. Так что, если угодно, могу осмотреть, но мне нужна карточка. Вы же не собираетесь меня за ней посылать.

Не известно, куда бы послала Серова противного хирурга, но тут в кабинет заглянул главврач. Он, в общем-то, не хотел заходить, ему надо было лишь убедиться, что Неверов благополучно отбыл в отпуск. Однако, увидев обнаженную натуру, он просто счел своим долгом присутствовать на приеме.

– Игорь Иванович! Как вы вовремя! – вскочил Фома. – Вот тут девушка жалуется на боли в опорно-двигательном аппарате, посмотрите, пожалуйста, а мне пора.

– В каком, вы говорите, аппарате боли? – мигом озадачился главврач и уже не видел, как радостный Фома выскочил за дверь.

Варвара сидела в своем офисе, уставившись в прайс, и ее мысли витали далеко от работы. Опять прибежала эта чертова Ленка Сорокина! Она специально таскается к Варе на работу, чтобы сообщать ей всякие гадости.

– Варенька, солнышко, мне тебя так жалко, – запричитала она, появляясь в стеклянных дверях.

Молодой сотрудник Миша Коньков, который ковырялся в компьютере, испуганно глянул на Варвару и тихонько вышел, оставив их с подругой наедине.

– Варюша, тебе надо это пережить, – решительно хлопнула по столу ладошкой Ленка. – У тебя муж – мерзавец!

– Леночка, ты мне скажи, как ты ко мне прокрадываешься, а? – безжизненно спросила Варя. – У нас один раз директор пропуск забыл, так его четыре часа мытарили. Ты-то как проходишь?

– Сейчас речь не обо мне! Надо тебе разводиться!

– Лен...

– Никаких Лен! Ты знаешь, где твой муженек сейчас? К нему Серова поехала! Она мне, слышь, чего сказала? Я, говорит, этого Неверова сегодня голыми фактами брать буду. А факты у нашей Серовой, сама знаешь...

Варя дала себе слово совсем не слушать Ленку. Ну мало ли что она болтает. Видно, у самой судьба не сложилась...

– Ленка, а ты сама-то замужем?

– Когда мне?! – обиделась Ленка. – Ты же видишь, я постоянно чужие семьи сохраняю, а уж о себе позаботиться все времени нет. Но речь не обо мне! Я тебе так скажу – гони ты своего кобеля...

Варвара поставила перед Ленкой чашку с чаем. Кофе не предложила из вредности, все знали, что Ленка просто обожает кофе и, пока не выдует чашек семь черного напитка, выпроводить ее никакой возможности нет.

– Вот что, у меня мать – замечательная сваха. Хочешь, она тебе жениха найдет? Нормального, богатого, какого тебе там еще надо? С квартирой даже, если повезет.

У Ленки Сорокиной алчно сверкнули глаза.

– И чего? Правда богатого может?

– А почему нет? Правда, это может случиться не в один день, ну да тебе торопиться некуда.

– Вот бы здорово... Слушай, давай, я к ней сама приду, а? Когда она меня примет?

– У тебя телефон есть? Вот я сегодня с ней переговорю и позвоню тебе сама, идет?

У Сорокиной сперло дыхание.

– Идет. Здорово, Варька! А я тебе, в услугу, все до словечка перескажу, о чем твой кобелина с Ирккой Серовой трепался, точно? А хочешь, так и сфотографировать могу!

– Лена, я тебе позвоню. Иди, а то ты мне мешаешь. А фотографировать никого не надо.

Варе с огромным трудом удалось отделаться от «доброжелательницы», и теперь она сидела, пялилась в бумажку и уже в сотый раз пробегала глазами по написанному.

– Варька, ты слышь чего... ты это... если тебе деньги нужны, у меня тысячи три дома есть, – робко предложил Мишка Коньков, который уселся за компьютер сразу после ухода Сорокиной. – А если тебе больше надо, ты того... не стесняйся, к нашему шефу подойди, он мужик нормальный, даст.

– Миш, ты о чем? – оторвалась от листка Варя.

– Ну как о чем... Деваха-то к тебе прибегала, жалела тебя, чуть не ревела... я и подумал, человек ты у нас новый, мало ли какие у тебя проблемы, а сказать стыдишься. Ты это... не стесняйся, если деньги нужны... У нас все у шефа занимают. Он ничего, дает запросто.

И такой у парня был сердечный голос, столько в нем было сострадания, что Варька не сдержалась и звучно хлюпнула носом, потом глаза наполнились сыростью, а после и вовсе из горла стали вырываться какие-то противные клопочущие звуки. И, отчаянно воя, Варька вскочила и понеслась в туалет. Она, кажется, смела на своем пути урну и ткнулась головой в живот своему начальнику, потому что из его уст раздался какой-то несолидный вскрик, и тут же шеф загромыхал властным голосом:

– Тетя Маша, у нас тут проблемы, иди разберись!

Тетя Маша работала в офисе техничкой и по совместительству выполняла функции психолога, так как благополучно прожила с одним мужем сорок лет, и, естественно, кому, как не ей, было знать, как должно преодолевать жизненные сложности.

– Ой, батюшки, и кто это тебя так? – ойкнула старушка, увидев размазанное лицо Варьки. – Давай-ка умывайся, да пойдём чайку попьём.

Варька не стала спорить и минут через десять уже сидела на уютной кухне, помешивая ложечкой какой-то особенный чай на травах, который тетя Маша доставала только в крайних случаях.

– Я его выгоню к едрене фене! – мстительно говорила Варька, швыряя носом.

– Фомку, что ли, выгонишь-то? – осторожно спросила тетя Маша.

– Откуда вы знаете, что мы с Фомкой живём?

– Да нешто у меня ухов нету! Каждый вечер ты домой звонишь, спрашиваешь, вернулся твой Фомка с работы аль нет. Чего там у тебя стряслось?

– Как чего! Гуляет! С Ирккой Серовой, с одноклассницей моей! – вскинулась Варька.

Тетя Маша неторопливо подлила ей ещё чаю.

– Ты сама видела? Аль сам сказал? А может, он к тебе холодный стал?

– Да нет... Не видела я, и он не говорил... так ведь Ленка, подруга моя, все время прибегает, рассказывает! Вот сегодня опять прибегала. Прямо хоть прячься! Нет, надо скандал устроить по всем правилам.

– Не надо. Зачем? Аль муж твой тебе совсем не нужен?

– Ну как не нужен... нужен, наверное...

– Вот и я говорю, скандалы-то ещё никому любви не прибавляли. Умнее будь. Как чего делать, говорить не стану, ты своего мужика лучше меня знаешь. А вот подругу эту гони. Я ещё Борьке шею намылю – чего это всяких баб без пропуска пускает! А ты, девонька, не кручинься, семью сохранить – большой труд да терпенье нужно. А теперь иди, работа у тебя.

Варька мышкой проскользнула к себе, раскрыла косметичку и принялась приводить лицо в нормальный вид. Неожиданно сквозь стеклянные стены ее глаз уловил знакомую фигуру.

«Ну, Боренька, погоди! И впрямь пускаешь всех, кого не лень!» – с раздражением подумала Варька, стремительно вскочила и примостилась возле Миши Конькова.

– Мишенька, а ты научи меня, как в Интернет входить, – медовым голосом пропела она.

– Ты, Варвара, шутишь, что ли? Ты же сама там постоянно сидишь, – вытаращился на нее близорукий Миша.

– Это я раньше там сама лазила, а теперь чего-то не получается, – кокетливо хихикнула Варька.

Краем глаза она видела, что знакомая фигура уже минуты две стояла в дверях и пялилась на откровенный флирт жены с коллегой. Варька это заметила, поэтому голос ее стал еще мягче и теплее:

– Мишенька, а куда эту стрелочку вести?

– Ты, Варвара, уже и этого не знаешь, да? Это же просто, берешь...

– Варвара Васильевна, можно вас на минуту? – зарычал Фома, не в силах наблюдать за «обучением» жены.

– Ой! – делано вскрикнула Варька и отшатнулась от Миши Конькова. – Фомочка! А ты какими судьбами?

Фомочка поморгал глазами, потом четко произнес:

– Ты просила, чтобы я за тобой заехал, – мы хотели отправиться на Калининскую улицу. Судя по твоему виду, ты уже никуда не хочешь ехать?

Варя мгновенно закручинилась:

– Я не могу, Фомочка. Ты же видишь, у меня работы – целый эшелон. Нет, любимый, поезжай один. Я боюсь, что мне придется сегодня задержаться...

Фома вылетел из офиса, точно снаряд. Такого он Варьке никогда не простит! Надо же! Он-то, олух, думает, что жена отдает себя работе, а она!.. Все, он сегодня же завалится в ресторан. Непременно! Только сначала съездит на эту улицу, узнает, там ли проживал бедолага Псов. А потом... А потом надо будет найти того, кто этого Псова пристрелил. Через десять минут Фома уже не помнил про коварство Варьки, его полностью захватил азарт сыщика.

Гутя с Аллочкой теперь стояли перед дверью Ляли Горшковой. На звонок раздался торопливый топоток, и дверь распахнулась.

– Ой! Гутиэра Власовна! Какая радость! – вскрикнула Ляля, увидев гостей. – Какая радость, что вы пришли именно тогда, когда моего Артура нет дома! Проходите!

– А что, он не позволяет тебе принимать гостей? – осторожно спросила Гутя.

– Да ну, что вы! Артур просто душка! Только у меня совершенно нет времени на подруг, на ненужную болтовню, вы же понимаете, я теперь замужняя дама!

Гутя почесала в затылке. Как эти мужчины меняют женщин. Совсем недавно Лялечка ни за что на свете не согласилась бы жить с человеком, для которого надо было хотя бы сходить за хлебом, и вот поди ж ты! У нее, оказывается, теперь даже нет времени поговорить. И ведь что самое интересное – Ляля вполне счастлива!

– Я рада, что ты поменяла фамилию, – сказала Гутя.

– Ах, еще нет. Я должна пройти испытательный срок, – мило улыбнулась Ляля и побежала в ванную.

– Так ты же... Ты же говорила, что у тебя свадьба!

– Ну нет, это другой был! Редкостная скотина, не захотел полюбить моих деток! Даже богатство не помогло! Теперь вот Артур, только мне надо испытательный срок пройти, вдруг не сойдемся характерами! – увлеченно продолжала откровенничать Ляля из ванной.

– И когда он закончится? – кричала ей из коридора Гутя. Интересно, что Горшкова даже не додумалась проводить гостей в комнату.

– Скоро! – выскочила к гостям Ляля. Теперь она держала в руках кусок окровавленного мяса.

Гутя, точно компьютер, мгновенно воспроизвела в памяти, что Горшкова Л. И. не была склонна к кулинарии и к прочим поварским искусствам.

– Лялечка! Ты научилась готовить? В такие рекордные сроки? – не переставала удивляться Гутиэра Власовна.

– Конечно! Конечно, я научилась готовить, но только я на сегодня уже все приготовила, а это я... – Женщина засмушалась, а потом, покраснев, сообщила: – Вы мясо увидели? Это не для нас... Понимаете... у нас с Артуром есть маленький мальчик...

– Уже? – удивилась такой стремительности Гутя.

– И он ест сырое мясо? – пробрало даже Аллочку.

– Ну да! – радостно подтвердила Ляля. – Оказывается, ему очень полезно! Вообще он больше любит кроликов, кур, ну можно мышей. Но я не умею ловить грызунов, а курицу сегодня не купила...

Гутя начала догадываться.

– У тебя собака?

– Да что вы! Пойдемте, я вам покажу, только умоляю – тихонько, вы его будете волновать.

Горшкова потащила гостей в ванную комнату, даже не предложив раздеться.

- Смотрите! Просто совершенство, правда ведь?

На дне ванны лежал огромный, толстый крокодил. Его длинный хвост задирался на край ванны, пасть была приоткрыта... Вообще этот хищник был ужасен.

- Вот урод, - тихо пробормотала Аллочка.

- Кто урод?! Это Мартын урод?! Да вы только посмотрите, какие у него умные глаза! А кожа! Настоящая, крокодиловая! Да из него одни только сумки каких денег стоят! А уж если в чемоданах считать... - обиделась Ляля. - Конечно, наш Мартын уже большой, ему здесь в ванне мало места. Мы с Артуром на следующий месяц повезем мальчика на историческую родину. В Африку. Артур нас всей семьей взять не может, ты же знаешь, у ребят школа, поэтому они пока у мамы поживут, а мы - в Африку! Здорово, да?

Гутя задохнулась от восторга. Она бы тоже в Африку с любым крокодилом поехала.

- Вот вы в Африку едете, а Псов, между прочим, погиб, - мстительно вспомнила о горе Аллочка.

- Что вы говорите! Ах, какое счастье! - воскликнула Лялочка, вздымая руки к потолку.

- Ничего себе счастье! А вам-то он что сделал? - обиделась за несостоявшегося супруга Алиссия.

- Я говорю, какое счастье, что он погиб после того, как я его бросила! А как это случилось? Он утопился? Повесился?

- Нет, его застрелили, - хмуро проинформировала Гутя. - А нам вот необходимо найти преступника.

- Ой, Гутиэра Власовна, я вас умоляю, не тратьте понапрасну силы. Я вам сразу скажу, кто виноват в смерти Псова, - проговорила Ляля, продолжая стоять возле

ванны с крокодилом. – Ничего удивительного, Назар Псов просто не смог перенести, что я от него отказалась. Ну и... сами понимаете... Он не смог жить без меня и моих детей... Хотя... хотя про детей я ему, кажется, не говорила, не успела сказать.

– А этому своему Артуру успела? Или только про немыслимые сокровища шепнула? – поджала губы Аллочка.

Гутя не стала выпрашивать такие тонкости, в конце концов, каждый устраивается как может. Она молча взяла из рук Ляли мясо и бросила в ванну. В ту же секунду Мартын яростно метнулся к куску, мотнул хвостом, и его чуть не вынесло из емкости.

– Ну... Ну у вас и шутки... – пролепетала Ляля. – Пойдемте в комнату, ну его к лешему, этот плавучий чемодан! Все боюсь, что как-нибудь и меня укусит. Так о чем вы там говорили?

В чистенькой, светлой комнате сестры расположились уже более спокойно. Видно было, что уют наводила любящая рука. Ни пылинки нигде не было замечено, на подоконниках красовались пузатые горшки с кудрявыми листьями какой-то зелени, на стенах яркими заплатами горели картины китайских умельцев, выложенные камнем, а обшарпанный диван покрывал совершенно новый гобелен.

– Ты, Ляля, говорила, что Псов застрелился из-за тебя, – напомнила Гутя.

– Так оно и было! – пожала плечами Горшкова.

– Может, и так, только не совсем получается. Во-первых...

– Во-первых, у него была я! – гордо выпятила грудь Аллочка.

– Во-первых, у него не нашли оружия, – невозмутимо продолжала Гутя.

– Он его спрятал, – быстро предположила Ляля. Ей очень хотелось, чтобы Псов погиб именно потому, что она его отвергла.

– И как ты себе это представляешь? Стреляется, а потом на прощание выкидывает пистолет с балкона? Фигня. Потом, у него было два смертельных ранения и одно простое, то есть он скончался еще от первого выстрела, а кто же стрелял в него второй, третий раз?

Аллочка сидела с раскрытым ртом. Такой она свою сестру еще не знала.

– Гутя, откуда ты это все знаешь? – с придыханием спросила она.

– Не важно, – чуть свысока бросила Гутиэра. – Так вот мы пришли узнать у тебя, Ляля: что тебе известно про твоего бывшего жениха – Псова Назара Альбертовича? Может, он сам тебе что-нибудь рассказывал, говорил?

Ляля Горшкова устало опустилась в кресло и продолжала разговор уже совсем другим тоном.

– Говорил... Он мне много чего говорил! Говорил, что у меня глаза, как болото, ну в смысле, что он в них тонет. Говорил, что мои губы – как пещеры... или рот, как пещера, не помню, что-то в этом роде. Короче, вешал лапшу на уши, а в загс идти все не предлагал. – Горшкова оскорбленно всхлипнула и вызывающе вздернула нос. – А я, между прочим, ждала!

– Но ведь ты его первая отвергла!

– Конечно! Отвергла! А что мне, до плесени ждать, пока он надумает на мне жениться?! Вот я и нашла Кукушкина! И потом, разве я знала, что Кукушкин окажется такой сволочью?! – хлюпнула носом Горшкова. – Даже перед тем, как прийти к вашей сестрице, Псов звонил мне, сообщал, что теперь он уходит от меня к Алиссии! Ну, а у меня свадьба с Кукушкиным намечалась. Поэтому и я вполне спокойно позволила Псову устраивать свою личную жизнь без меня. А сразу после Назара Псова позвонил мой жених Кукушкин и сообщил, что не готов стать моим мужем, а главное – отцом для моих четверых детей. И кто этому гаду сказал накануне свадьбы, что я – мать-героиня, ума не приложу... И главное – я уже Псова отшила!

– Но ты же нашла себе лучшую партию!

Горшкова махнула рукой:

- Какая там партия - горе одно. Этот Артур когда-то сдуру купил маленького крокодильчика. Потом из него вырос монстр, а как с ним обращаться, Артур даже не представляет. Он меня каждый раз сажает перед телевизором, чтобы я передачи про животных смотрела. «Ты, говорит, должна полюбить эту прелесть!» А на самом деле только и ждет, чтобы я все крокодильи повадки изучила, потому что сам он боится этих рептилий до икоты.

- Но ведь это он принес его в твою ванную, - возразила Гутя.

Лялечка была так расстроена, что даже закурила.

- Это не он принес. Он просто нанял людей, которые притащили и бросили в ванну этого зверя. Артур даже в зоопарк звонил, просил, чтобы Мартына приняли. Так говорят, что у них своих Мартынов не знают куда девать. Вот и мучаемся. Думаете, для чего мы в Африку едем? Для того, чтобы выпустить этого хищника на родные просторы. Мне даже кажется, что Артур женится на любой женщине, которая справится с этим его домашним животным. А я еще сдуру ляпнула, что сказочно богата, теперь он эту поездку за мой счет планирует. Прямо не знаю, что делать.

Гутя нетерпеливо засучила ногами. В общем-то, они с Аллочкой приехали, чтобы как можно больше узнать про Псова, а пока разговор дальше крокодила не продвигается.

- Давайте, Ляля, вернемся к нашим баранам. То есть к Псову. Вы от него никогда не слышали такую фамилию - Кукина?

- Да я от него вообще никаких фамилий не слышала! Он же, как глухарь - все токовал о том, какая я распрекрасная!

- Вот гад, а мне ничего такого не говорил, - шепотом проскрипела Алиссия.

В дверь позвонили, и Лялечка, мгновенно преобразившись, расцвела розой.

– Иду, иду-у, – побежала она открывать. – Вот, Артур, знакомься, это... Это подружки моей мамы... Пришли меня навестить. Ты не хмурься, они уже уходят.

Гутя поняла Горшкову и больше не стала задерживаться.

– Спасибо, Лялечка, если нам что-то понадобится узнать... про твою маму, мы позвоним, – кивнула она головой и подтолкнула сестрицу Аллочку к выходу.

– Вот мымра! – бухтела Аллочка, спускаясь по лестнице. – Подруги мамы! Да мы младше Лялечки лет на пять!

– Ладно, Алиссия, не ворчи, думай лучше, как быстрее преступника выловить, а то мы сегодня ни на сантиметр к разгадке не приблизились.

Фома прибыл на Калининскую улицу, без особого труда отыскал нужный дом и быстро взбежал на четвертый этаж. Дверь шестьдесят девятой квартиры сильно отличалась от остальных яркой зеленой обивкой. Ручка сверкала дешевым золотом, а «глазок» был размером с небольшое блюдце. Фома нажал на такую же золотую кнопку звонка, но открывать ему не торопились. Он простоял добрых минут десять, прежде чем в квартире раздались быстрые шлепающие шаги и дверь распахнулась.

– Проходите в комнату, – раздался голос уже из ванной. – Подождите минутку, я сейчас освобожусь. Там телевизор включен, можете посмотреть.

Фома прошел в большую светлую комнату и примерно уселся перед телевизором.

На экране улыбалась приятная женщина.

– ...Улыбнитесь во всю ширину рта, – диктовала она, и Фома улыбнулся, как просили. – Теперь выкатите глаза, слегка отнесите нижнюю челюсть и начинайте интенсивно подпрыгивать.

Фома ради интереса так и сделал. Ему было любопытно, для чего, собственно, нужны такие упражнения, что он должен почувствовать.

– Еще, для пущей наглядности, можно издавать какие-нибудь звуки... Теперь посмотрите на себя в зеркало, – продолжала диктор, – сейчас вы выглядите как совершеннейший идиот. Вы никогда не позволите себе подобное в трезвом состоянии, но вот под действием алкогольного опьянения...

Фома неловко оглянулся – позади него стоял молодой мужчина и с интересом наблюдал за его кривляньями.

– Это моя мать, – кивнул головой в сторону телевизора хозяин квартиры. – Она передачу ведет «Не поддавайся алкоголю». А вы к ней?

Фома налил вишневыми красками и не знал, куда деть глаза.

– Да вы не смущайтесь, к матери алкаши целыми стаями слетаются. Только сейчас ее нет, она придет через час.

– Я вообще-то... Понимаете, здесь такое дело...

– Понимаю, вы пьете всего ничего. А жена... – перебил Фому парень.

– Да нет, дело не в выпивке... мы, понимаете...

– Вы не хотите лечиться, так?

– Дайте же мне слово сказать! – взорвался Фома. – Вы знаете Псова? Назара Альбертовича?

Парень наконец понял, что к алкоголю гость не пристрастен, и теперь более внимательно принялся его разглядывать.

– Так вам Назара Альбертовича, вот как... А он здесь больше не живет. И давно не живет.

– Да он вообще больше нигде не живет. Погиб он, – хмуро сообщил Фома. – Его застрелили, и нам нужно найти того, кто это сделал.

– Это не я, – быстро сказал парень. – Я его уже давно не видел. Конечно, жаль, что такое случилось, но... Мне всегда казалось, что нечто подобное с ним и должно было произойти.

Фома насторожился:

– Поподробней, пожалуйста.

Парень замялся. Совсем некстати он вспомнил, что после ванны сидит с мокрыми волосами, и кинулся за феном в другую комнату.

– Поподробнее можете рассказать, отчего у вас возникло такое ощущение? – появился в дверях его комнаты Фома.

– Могу. Могу, но не хочу. Меня, кстати, Сашей зовут. – Саша выключил фен и затравленно уставился на гостя. – Там ничего такого нет, но... Понимаете, некоторое время Псов был моим отчимом, ну и мне не хотелось бы говорить что-то такое, что могло бы навредить моей матери. Она у меня очень уважаемый человек, всего добилась сама. И теперь просто не по-мужски будет за ее спиной трясти грязными тряпками. Она придет уже через полчаса, вы сами с ней и поговорите, а я, если хотите, могу вас чем-нибудь занять. Как вы относитесь к компьютерным играм?

– Совершенно отрицательно. Они захламляют неокрепшую психику.

Когда через полчаса Вера Антоновна пришла домой, Саша не вышел, как всегда, в прихожую, чтобы принять сумки. Вместо этого она услышала только гневные крики, которые доносились из комнаты сына:

– Стреляй! Стреляй этого паразита!! Ну чего ты промазал, он же рядом стоял!

– Здравствуйте, – вошла в комнату поздороваться женщина, когда сумки были выгружены, сама хозяйка уже переодета, а на столе дымился ужин. – Вы здесь поужинаете или со мной на кухне?

– О, мам, привет! – оторвался сын от компьютера. – А это к тебе. Фома, вот мама.

Молодой мужчина, яростно нажимавший на клавиши, на секунду оторвался от экрана, кивнул головой и проронил:

- Вы только никуда не уходите. Я к вам. Сань! Ну куда он исчез?! Ты его видишь?

Вера Антоновна глубоко вздохнула – скорее всего сын нашел себе еще одного друга по компьютеру.

Только спустя полтора часа из комнаты вышел раскрасневшийся Фома и, смущаясь, сел возле Веры Антоновны. И дернул же его черт сесть за эти игрушки! Теперь никакой солидности.

- Вера Антоновна, – начал он, упорно глядя себе под ноги. – Я ведь к вам по серьезному делу. Псов Назар Альбертович погиб, вы не могли бы о нем что-то рассказать?

Вера Антоновна удивленно вздернула брови и даже отложила спицы, которые мелькали в ее руках.

- Погиб? Назар? Вероятно, опять был у какой-нибудь молодки?

- Ну... Молодкой я бы не назвал ту даму... А что, он был дамским угодником?

- Да как вам сказать... Не угодником, у него были определенные цели...

Женщина откинулась на спинку дивана, уперлась глазами в какую-то невидимую точку и принялась вспоминать.

Впервые Вера с Назаром встретились в университете на факультете психологии. Группа была большая и состояла почти из одних девчонок. Естественно, два парня, которые чудом затесались на факультет, были видны, как два волоса на лысине. Но если за первым – Патряшиным Павлом – девчонки ходили как коровы за пастухом, то второго – Псова Назара – никто вроде как и не замечал. Мало того, именно ему доставался целый град насмешек, именно он терпел дамские капризы, всякие упражнения женского остроумия и стервозности. Вера была немного старше своих однокурсниц и по возрасту, и по жизненному опыту. У нее уже был трехлетний сын, и поэтому на Псова она смотрела несколько другими

глазами. Она не обращала внимания на одежду парня, не смотрела на шевелюру... Ее не пугало, что он не может остро шутить или швыряться деньгами. Верочка сразу заметила, что парень очень одинок, жаждет семейного уюта и не способен обидеть даже кошку. Короче, по всем параметрам, этот парень весьма удачно вписывался в образ ее мужа и отца ее ребенка. На последнем курсе неожиданно Псова выгнали из университета. Произошла довольно неприятная история. В то время Назару нравилась Милочка Смирнова, весьма развязная девица из их же группы. Все семейство Смирновых отличалось неудержимой тягой к науке, родители имели степени, а родная бабушка Милочки являлась ректором в университете. Такую прорву ученых в одной семье Мила не понимала и потому не желала забивать хорошенькую головку знаниями. Родители боролись, как могли. Всемогущий папенька даже пообещал дочери путевку в Болгарию при условии, что дочь успешно сдаст экзамены. Милочка в Болгарию очень хотела, а учиться не хотела вовсе. На роковом экзамене она уселась вместе с Псовым, который от нечего делать учился на отлично, и молча подсунула ему свой билет. Назар впервые в жизни решил проявить волю и билет с презрением оттолкнул. Мало того, он даже отважился на недолгую речь:

- Вместо того, чтобы шлаться с кем попало, надо было сидеть над конспектами!

Милочка оскорбилась до глубины души и закатила такую истерику, что экзамены срочно перенесли на другое число. Но Милочка не успокоилась. Она решила мстить этому противному червяку и дома, умываясь слезами, «призналась», что Псов Назар лишил ее драгоценной невинности. И именно поэтому она, находясь в трансе, не смогла ответить на экзамене достойно своей ученой фамилии. Естественно, папаша настоял на отчислении блудливого студента и подал на него в суд. Псов привел несколько свидетелей, которые видели его в библиотеке в то время, когда, по утверждению Милочки, он проявлял свою гнусность. Но и Милочка, со своей стороны, тут же приволокла двадцать человек, которые утверждали, что, мол, воочию лицезрели низкое поведение Назара. Дело было шито настолько белыми нитками, что даже сам следователь не утерпел и признался:

- Я не могу вести эту туфту. Что за ересь - ни разу еще не было насильника, который бы при стольких свидетелях упорно двигался к своей цели. А чего, собственно, эти свидетели ждали, когда созерцали акт насилия?

В результате дело замяли, но Псова в университете так и не восстановили. Из общежития его попросили, причем не совсем вежливо – просто выбросили его вещи без лишних объяснений, и несчастному парню ничего не оставалось делать, как возвращаться к себе в район.

Вот тут-то Верочка Гуляева и решила, что пробил ее час. Она просто подошла к Назару и предложила переехать к ней. Квартира ей досталась от родителей. Для любимого внука Сашеньки они ничего не жалели и, дабы у мальчика скорее появился отец, даже переехали в деревню. Псов быстренько полюбил Верочку, и они даже некоторое время жили счастливо. Потом времена изменились – в силу вошел рынок. Каждый торговал чем мог, будь то свиные отбивные, хозяйственное мыло или собственные мозги. Прилавки стали наполняться мясными деликатесами, дефицитными лекарствами, разнообразной литературой...

– Вера, я знаю, я должен написать книгу, – блестя глазами, сообщил однажды Назар супруге.

– Ну так кто не дает, пиши. Я вот тоже немного Саньку подниму да сяду за диссертацию. Наш главный уже давно меня к этому толкает. Пиши, может, что и получится. Мне кажется, у тебя романтические рассказы хорошо пойдут.

– Вера! Ты дура, Вера. Я буду писать серьезный труд: «Как обезвредить женщину».

– Странно, а почему тебя, как я понимаю, интересуют только одинокие женщины? А мы, замужние, что – не люди? – обиделась супруга.

– Все гораздо проще: замужняя – это уже обезвреженная женщина...

Дальше – больше. Назар просто помешался на своей книге. Вера в свое время помогла побороть ему робость, стыдливость и неуверенность, и теперь Псов женщинам просто не давал никакого прохода. Он мог знакомиться на улицах, осыпал совсем незнакомых дам комплиментами в то время, когда собственная жена находилась рядом, пристрастился делать им дорогие подарки, большей частью на Верины сбережения. А уж когда он заявил, что для изучения материала ему просто необходимо пожить какое-то время с молодой неординарной женщиной, Вера просто выставила его чемодан за порог. Сын к

тому времени подрост, Саше было четырнадцать. Назар возмущался совсем недолго, любовь к книге взяла верх, и Вера с сыном остались без главы семьи. Через какое-то время Вера Антоновна все же защитила диссертацию, ей удалось поставить сына на ноги, и жизнь наладилась. Теперь Вера Антоновна работала в центре здоровья «Помоги себе сам», зарабатывала прилично. Однако Псова все равно вспоминает с большим уважением.

– Ну я ведь знала, не любит он меня. Да и я, честно сказать, к нему особой-то страстью не терзалась. А так, чего уж там, мальчишку он мне помог на ноги поставить, и Санька мой знает, придет Назар, попросит помощи – как родного примем, поможем, как сумеем... А вот, оказывается, теперь не попросит... Значит, выходит, что он так и не бросил своей затеи...

– Слушайте, так это сколько ж лет нужно, чтобы такую книгу написать? – изумился Фома. – Это ж как надо хотеть, ну чтобы столько лет... о книге...

– Да полно вам, – махнула рукой Вера Антоновна. – Я вам так скажу – может, сначала он и пытался что-то там написать, а потом... А потом просто втянулся. Кому же не захочется по женщинам таскаться, да еще и под таким красивым предлогом!

– А вы никого не знали, кого изучал ваш супруг? – с надеждой спросил Фома.

– Нет, он со мной не откровенничал. Я же говорю – никакой он не исследователь, а просто кобель. Сколько дам исследовал, а вот никаких выводов на бумагу так и не перенес. Хоть бы какую заметку написал, так ведь нет же ничего! Нет, его, вероятно, увлекал сам процесс...

– Так значит, Псов у вас не живет? – уточнил еще раз Фома. – Тогда почему он у вас прописан?

– Когда мы решили жить вместе, сразу договаривались, что я прописываю его в своей квартире. Как только разводимся, он выезжает из квартиры и никаких претензий на нее не имеет. Назар даже расписку при свидетелях написал. Не знаю уж, как бы мне пригодилась та расписка, но помочь человеку надо было. Куда же он без прописки, у него никаких родственников не осталось. А потом он на работу устроился на алюминиевый завод – работал охранником, сутки через трое. Его график работы очень устраивал. И там прописка нужна была, без

штампа-то никуда не возьмут... Ой! Вы меня извините, мне надо позвонить! К нам завтра на работу выходит новый психолог, надо хоть девчонок подготовить, чтобы сразу парня не изводили, они у нас такие, они могут.

- Понятно, - протянул Фома.

Действительно, он уже и так в этой квартире засиделся, опять же этот компьютер...

- Если у меня возникнут вопросы...

- Конечно, конечно, если возникнут, можете звонить, приходите... Сань, напиши человеку наш телефон. Поможем вам найти убийцу Назара, если сможем, конечно...

Варя была в квартире одна, парилась возле разгоряченной плиты, на которой с громким ворчанием жарились котлеты. Ни Гути с Аллочкой, ни Фомы дома не было, наверное, болтаются по городу, разыскивая преступника. Варька фыркнула и неожиданно нахмурилась. А вдруг Фомка сейчас где-нибудь с Ирккой Серовой? От этой мысли ей стало не по себе. Вот она, Варя, сидит дома, жарит куриные котлеты, а ее любимый муж в это время обхаживает лупастую Ирку. И никаких котлет ему Ирка не жарит, и носков не стирает, а вот трепетные чувства у Фомки завоевала! Выдра!

В комнате противно заорал кот Матвей, потом раздалось шипение и непонятная возня. Варька вздрогнула, бросила фарш и понеслась в комнату. По всему ковру летали перья, а домашний хищник терзал сдуру залетевшую в форточку синицу...

- Матвей! Немедленно выпусти птицу, гад! Ты... отдай! Ты ее уже и так почти загрыз!! - визжала Варька, воюя с котом.

Кот справедливо считал синицу честной добычей и делиться с хозяйкой не собирался.

– Ах ты вот как, да? Ну, ты сам этого хотел! – Варька нажала на челюсти, кот ослабил хватку, и чудом уцелевшая синица взметнулась к потолку.

Теперь стало еще хуже – птица принялась биться в окна, и за ней металась уже двое – одичавший кот и его хозяйка. Только минут через двадцать Варя удалось накинуть на пичугу Аллочкин платок, и синичка затрепыхалась у девушки в руках.

– Все, лети теперь, – выпустила на балкон страдалицу Варя и с укором взглянула на кота. – Можно подумать, тебя дома не кормят!

Матвей, плотно прижав уши, нервно лупил хвостом себя по бокам, потом прижал нос к полу и, точно ищейка, принялся искать по запаху, куда это хозяйка запрятала дичь.

– Идем на кухню, у меня там фарш остался. Для тебя специально.

От куриного фарша Матвей презрительно отвернул тупоносую морду и вопросительно уставился на хозяйку, дескать, из-за такой фигни не стоило тревожить почтенное животное. А чего посерьезнее у тебя нет?

– Ну не хочешь, как хочешь, у меня, между прочим, даже муж, хирург, заметь, и тот с удовольствием ест.

Напоминание о муже снова вернуло Варьку к неприятным мыслям. Нет, надо не ругать эту Серову, а учиться у нее. Вот чем взяла мужика? Ясно, что не куриным фаршем. А лаской, красотой... чем там еще...

Варька не стала долго раздумывать, а побежала в ванную, чтобы навести несравненную красоту.

Когда домой вернулись Аллочка и Гутя, вся квартира была заполнена вонючим дымом, а по комнатам бегала раскрашенная, словно матрешка, Варька и размахивала полотенцем, разгоняя чад. Сестры мигом поняли, что могут задохнуться, и, побросав пальто, присоединились к бегающей Варьке. Гутя носилась, непрерывно охая и ругая нерадивую дочь, а Аллочка топала молча, размахивая белым выходным кашемировым пуловером Варьки, который попался

ей под руку. Кот скакал рядом, радостно хватая тряпки, которыми махали обезумевшие хозяйки.

– А окна, балкон открыть не пробовали? – раздался голос Фомы в самый разгар активности домочадцев по разгонянию дыма.

– Фомочка! – томно вскрикнула Варька и кинулась к мужу на шею.

Фомка таких ласк не ожидал. Варя вообще была дамой сдержанной, тем более в подобных ситуациях, а теперь, вероятно, с женой произошло нечто из ряда вон, если она так накидывается на мужа.

– У тебя все в порядке? – опешил супруг.

– Нет, у меня не все. Котлеты сгорели. Но ведь это не главное в семейной жизни, правда? Главней всего-о погода в доме, а остальное начиха-ать... – пропела она, нещадно фальшивя. – Зато посмотри! Как тебе моя новая помада?

– Какая помада?! Мы тут с голоду по всей квартире скачем, а у нее – помада! А котлеты, видите ли, сгорели! – возмутилась Аллочка. Она сегодня изрядно потопталась по городу и есть хотела нестерпимо. Впрочем, как всегда.

Наконец, семейство уgomонилось и расселось за столом. Варька все-таки была замечательной хозяйкой. Сгоревшие котлеты она тут же заменила пельменями, которые у нее всегда находились в холодильнике на всякий случай, в сковороде уже поднимался омлет, а на широкой тарелке, красуясь румяными боками, лежали гренки.

– Итак, какие у нас новости? – отложив вилку, окинул всех взглядом Фома. – Гутиэра Власовна, вы как, встретились с Кукиной?

– Как бы мы с ней встретились? – возмутилась Гутя, припомнив, сколько времени они зря потратили из-за этой лживой женщины. – По этому адресу проживают совсем другие люди. Она и не жила там никогда. Ни она, ни ее дети.

Фома с интересом уставился на сахарницу, потом, будто увидев там что-то новое, обрадовался.

– Ну какая молодец! Заставила нас рыться в деле ее любовника, а сама слиняла!

– Вот счастье-то! Чему ты радуешься? – поддела его теща. – И где ее теперь искать?

Варька даже поперхнулась:

– А что, нам теперь и Кукину искать придется?

– Я думаю – да, – серьезно качнула головой Аллочка. – Нужно же нам узнать, для чего она развернула такой балаган.

Глава 3

Как хорошо быть генеральшей...

– Давайте-ка, расскажите нам с Варей, что вы по заданному адресу выяснили, а потом я расскажу, что узнал у его жены. Только теперь у другой, – предложил Фома.

– Боже мой, и сколько же у него жен? – простонала Аллочка, хотела было в расстройстве рухнуть на пол, но Гутя уже рассказывала про молодого папашу, с которым они встретились по адресу Кукиной.

Выслушав тещу, Фома так же подробно рассказал все, что ему передала Вера Антоновна. Варьке рассказывать было нечего, поэтому она решительно хлопнула по столу рукой и заявила:

– У меня есть версия! Какая-то из обиженных женщин решила не попадать в его книгу и отомстила – застрелила его на фиг, и дело с концом.

Гутя поспешно притащила тетрадочку, в которой записывала адреса женихов и невест, и произнесла:

– Надо все версии записывать на листок. Будем учиться правильно вести дела. Вот у тебя, Варя, одна версия: преступник – одна из оскорбленных дам, которая не хотела попасть на страницы его книги. А у меня еще одна – какая-нибудь женщина, которую Псов обобрал. Ведь такое тоже может быть, правда?

– Правда, – одобрительно кивнул Фома. – Еще одна. Может, что-то с его работой связано. Он на заводе работал, охранником. Вдруг кто-то что-то вытащил, а Псов углядел. Это тоже запиши.

– И у меня версия, – надула губы Аллочка. – Вдруг Псова убили из-за ревности?

– Эту версию, мам, припиши к обиженным женщинам. В первый пункт.

– Не надо к обиженным. Я говорю про ревность ко мне, – заявила Аллочка. – Мало ли, вдруг кто-то тайно в меня влюблен, а сказать боится, а тут Псов появился, ну... влюбленный не сдержал своих чувств и... пристрелил беднягу. А что? Такое тоже случается.

Фома воздел глаза к потолку, а Варька незаметно покачала головой, смеяться над убогими ей не позволяла совесть.

– Господи! Да если б он был, этот влюбленный! Да я бы сама за ним по пятам бегала, просила тебя замуж взять, я б его... – всплеснула руками Гутя. – А то ведь ты у меня, Аллочка, как антирекламный ролик – я, такая удачливая сваха, а родную сестру никому спихнуть не могу!

– Короче, так, – решил Фома. – Гутиэра Власовна, вы садитесь к телефону, прозванивайте своих невест и узнавайте, не был ли с ними знаком завидный жених Псов. А я завтра же еду на завод, узнаю, может, там кто-нибудь в его поведении нечто необычное заметил. Что-то не совсем понятное у нас тут получается. Псов появляется у нас как девственный жених, а на самом деле Кукина утверждает, что он уже семнадцать лет живет с ней в гражданском браке. Ну, допустим, мы ей поверили и Псов на самом деле ходит женихаться только с целью вытягивать деньги из дам. Но тогда в этот сюжет совсем не вписывается Вера Антоновна, у которой я сегодня был. По ее словам, Псов покинул их с сыном, когда Саша был уже взрослый. Это никак уж не семнадцать лет назад. То есть времени у Назара, чтобы так долго жить с Кукиной, не было. И почему-то мне хочется верить именно Вере Антоновне.

Гутя, обуреваемая жаждой новой, неизвестной доселе деятельности, тут же кинулась к телефону.

– Алло, Инночка?.. Да-да, это Гутиэра. Как там твоя супружеская жизнь?.. Ага... Ага... а скажи... я поняла... да, я верю, что он самый лучший, а скажи... да-да, я поняла... Инна, тебе... да послушай ты меня! Тебе незнаком некий Псов Назар Альбертович?.. Ну конечно, тебе теперь не до собак... я поняла...

– Алло, Катюша? Это я, Гутиэра...

– Пойдем, Варь, чего-то у меня голова, как котел, – позвал Фома Варьку в свою комнату, но жена сидела на диване и не спешила уединяться с супругом. – Варь, ну ты чего?

– Ничего, – фыркнула она.

Совсем не вовремя ей опять вспомнился приход Ленки Сорокиной, которая с упоением смаковала вспыхнувшую страсть Ирки Серовой к Фоме.

– Ты сегодня ушел в отпуск? – подозрительно спросила жена.

– Ну да. Федорин не подвел – сказал, что подпишет заявление, и подписал.

– А почему он тебе так долго подписывал? Ты позже меня домой заявился!

– Так ведь я ездил на Калининскую! Я же говорил! – возмутился Фома.

Варька хитро прищурилась:

– И что, на работе даже не задерживался? И даже никто к тебе на прием не приходил?

– А чего это ты? – насторожился Фома, и ему сразу представилось, что вредная санитарка Евдокимовна, которую он частенько гоняет за то, что та притаскивается на работу с похмелья, насплетничала жене черт-те что. – У меня нет никаких привязанностей к женскому полу, если тебя это волнует. Кроме

тебя, конечно.

– Варь, я есть хочу. Может, оладушек состряпаешь, – загундосила Аллочка, наплевав на разборки супругов.

Варька сверкнула глазами и обиженно всхлипнула:

– Тогда почему ты вчера пришел так поздно? И позавчера? И еще... не помню когда? Ты всегда приходишь поздно!

– Да потому что я – врач! – начал распаляться Фома. – Потому что я не могу оставить больного у двери и уйти!

– Ты никого не можешь оставить!

– Да! Я никого не могу оставить! И у двери! И на дороге! И в подвале!

– Варь, ну состряпай, – ныла Аллочка.

– А ты иди... А ты иди и стряпай себе сама! Ты не видишь, что Варька работает, убирает, варит, стирает! Ты целый день дома сидишь! Теперь ты будешь печь и варить! – вконец разошелся Фома. – Она от усталости бесится, а потом на меня накидывается! Вот иди и напеки нам оладушек. И завтра... Варь, во сколько ты завтра домой придешь?

Варька оторопело уставилась на мужа. Он крайне редко выходил из себя.

– Я не знаю... Наверное, в шесть.

– Точно в шесть? Не позже, не раньше? – уточнил муж.

– Точно в шесть.

– Так вот, Аллочка, завтра в шесть чтобы Варьку ожидал ужин и чистая квартира, понятно?

Аллочка удивленно пожевала губами, потом пожала плечами:

– Так это... Чтобы завтра чистая квартира была, да еще и ужин, Варьке сегодня надо к плите вставать, а потом всю ночь убираться. Варь, на фига тебе стерильность?

Фома со стоном схватился за голову, а Варька, враз повеселев, скорчила Аллочке смешную рожицу.

Утром можно было спать сколько угодно. Фома отвез Варьку на работу, и теперь Гутя осталась дома с Аллочкой одна. Но, поскольку младшая сестрица и сама любила поваляться в постели, торопиться было некуда. Гутя только перевернулась поудобнее, как раздался звонок в дверь. Сначала Гутиэра решила не открывать – она еще не готова принимать гостей. Однако, вспомнив, что теперь у них совершенно новая жизнь – жизнь детективов, она вскочила. Кто знает, что может принести даже случайный гость.

– Гутиэра Власовна-а, – ввалился в двери здоровенный детина. – Помогите!

– Что случилось? Откуда вы меня знаете? Кто вы такой? – сыпала Гутя вопросами, ища глазами, где, собственно, необходима помощь.

Детина прекратил выть и возмутился:

– Да вы что?! Вы меня не помните?! Я же Поросюк!

Да уж. Мужчину с такой фамилией не запомнить было нельзя. Гутиэра тут же вспомнила эту замечательную пару. Сначала к ней обратилась приятная молодая женщина – Виолетта Эмилиевна. Потом, через какое-то время, Гутя удачно подыскала ей жениха по объявлению в газете. Тарас Тарасович Поросюк оказался удивительно добрым, ласковым и понимающим человеком. К тому же он имел скромненький кирпичный заводик. Виолетте Тарас нравился, и все бы ничего, но...

– Вы себе не представляете, – шмыгнула Виолетта Эмилиевна аккуратненьким носиком, – я всю жизнь мучаюсь! Я маме уже говорила – ну как она могла девочку с такой фамилией назвать столь пышным именем! Вы только

вслушайтесь – Виолетта Эмилиевна Кукурузко! Кошмар! А мама мне отвечала – ничего, было бы имя. Вот выйдешь замуж и поменяешь фамилию, выберешь себе, какую хочешь! И что же? Я теперь буду Виолетта Эмилиевна Поросюк?

Женщина ревела недолго, все же кирпичный заводик перевесил, и супружеская пара благополучно состоялась. А вот теперь врывается Тарас Поросюк и требует помощи.

– Скажите прямо, что вы ревете, точно голодный слон! Она вас бросила? – нетерпеливо перебила рыдания мужчины Гутиэра.

– Кто бросил? Виолетта? Да вы в своем уме?! – обиделся бывший клиент.

– Ну тогда что?! Что произошло?

– Она меня бьет! – горестно сообщил Поросюк.

Гутя прекрасно помнила милую, хрупкую Виолетту Кукурузко. Добрейшая женщина если и была на что-то способна, так потихоньку пить кровь из своего мужа-бугая, но чтобы бить...

– Вы меня разыгрываете, да? – с недоверием спросила Гутя. – Она же весит не больше нашего Матвея. Кота.

– Не беспокойтесь, я отлично знаю, сколько она весит! И она, между прочим, тоже. Поэтому она бьет меня сковородкой. Все время по спине, ну и... ниже. Потому что до головы не достаёт. У меня скоро будет отбита вся печень!

– А вы сами ее не пробовали бить? – очень серьезно спросила Аллочка. – Иногда это здорово помогает. Я не знаю, у нас в деревне все время отец матушку гонял, скажи, Гутя. И ничего. Я даже не припомню, чтобы она за ним со сковородкой носилась.

Мужчина посмотрел на Аллочку, как грач на червяка, с глубоким сожалением. Гутя даже всерьез испугалась, что Поросюк сейчас ткнет сестрицу по темечку.

– Виолетта беременна, вы хоть знаете, что это такое? – медленно, с долей презрения проговорил Поросюк.

– Господи, ну откуда же ей знать, она и замужем еще не была, – затараторила Гутя и радостно заулыбалась. – Вот, значит, как! Такая милая женщина. Значит, беременные женщины могут... вот так вот, ни с того ни с сего, на своих мужей кидаться?! Господи! Счастье-то какое! А я-то думаю, что только моя дочь зятя поедом ест! Вот, значит, как! Аллочка, ты слышишь?! Наша Варенька беременная! Ты слышала, что Тарас Тарасович сказал, – наша Варя скоро станет матерью!

– Да я про Вареньку-то не знаю. Я про свою жену говорил. Моя Виолетта беременная, это точно. Нам и врач сказал.

– Ну... Нам тоже скажет. У нас Варька на Фому еще не так кидается. Подождите, я вас, кажется, перебила. Так что вы от меня хотите?

Тарас Тарасович Поросюк смущенно потоптался, потом снова попросил помощи:

– Ну так я и говорю – помогите. Я ж ведь не знаю, что мне с ней делать! А дерется она больно. И, самое главное, не из-за чего! Я уже и пить бросил, и курить, даже на работу не хожу, а ей все не ладно.

– А чего это вы работу бросили? Идите на свой завод, работайте, как и раньше, а жене своей купите «грушу», пусть ее лупит. Может, она боксера носит.

Поросюку очень понравилось предположение, что у него скоро родится свой, собственный боксер. Он разулыбался так, что его уши съехали на затылок.

– Гутиэра Власовна, голубушка! Как же это я сам не допер! Сегодня же «грушу» куплю. Ах да, магазины же закрыты... Ну да ничего, значит, сопру где-нибудь! – откровенно поделился планами будущий папаша и спохватился: – А у меня ж и братец хочет жениться! Точно! У него девушка-то была, да, но я его отговорил. Зачем, мол, тебе, Андрюха, уже готовая? Сейчас, мол, жить по-современному нужно, иди к Гутиэре, она тебе какую хочешь девицу сосватает. Так он со своей барышней распрощался, к нам приехал, уж вы ему найдите кого...

Гутиэра, конечно, очень любила, когда к ней обращались мужчины, потому что их всегда был недобор. Но опять же до такой крайности не доходило, чтобы женихи прежних невест бросали, чтобы им Гутиэра новую нашла.

- Ну что уж вы так... Скажите брату, пусть едет обратно, девушка, наверное, от слез высохла...

- Да не высохла девушка. Она уже замуж выскочила. Так что вы Андрюху-то пристройте. Он молодой еще, ему тридцатника нет.

- А у Гутиэры как раз на примете славная невеста есть, - хитрой лисой пропела Аллочка. - Признайся, Гутенька, у тебя же еще сестричка не пристроена!

- Вы мне позвоните попозже. - Гутиэра стала выталкивать Поросюка за двери. - Я подберу, поищу, звоните.

Едва Тарас Тарасович откланялся, как Гутя накинулась на Аллочку:

- Да ты с ума сошла! Мальчишке еще тридцати нет, а ты в жены набиваешься! Ты что, хочешь мне всю репутацию с корнем выдернуть?!

- Ага, а чего это, всем так находишь женихов, а я будто не родная. А мама, между прочим, на тебя так надеялась, - пробасила Аллочка и даже выкатила слезу. - Говорит, езжай, Алиссия, к Гутьке, может, она тебе какого полоумного сыщет...

У Гути вдруг просветлело лицо.

- Не реви. Я знаю, что делать. У меня есть группа девушек, им за шестьдесят, так вот мы с ними каждую неделю ездим в госпиталь. Там такие женишки хранятся, я тебе скажу! Конечно, молоденьких мы не трогаем, а вот зрелый контингент, то есть те, кому уже к восьмидесяти, - просто принцы! Я уже четырех своих клиенток пристроила, не нарадуются.

- Вот сама бы и искала там себе принца! Тоже мне, Золушку нашла. Мне не надо к восьмидесяти. Молоденького хочу! - басом капризничала сестричка.

– Ты только подумай – сейчас молоденьких девчонок на стариков тянет. Оглянись вокруг-то! Девчужке двадцати нет, а муж у нее пенсионер! А все потому, что удобно. Скажи мне, ну зачем тебе молодой кузнечик? Ни слова сказать, ни жену обласкать. А вот выйдешь за зрелого мужчину, сразу генеральшей станешь. Чем плохо?

Аллочка мигом захотела стать генеральшей. Прямо сейчас. Она стремительно унеслась в комнату, сидела там пятнадцать минут и вынеслась к сестре совсем в другом виде. Обрюзгшие щеки и неправильный прикус Аллочки всегда делали ее похожей на английского бульдога. Теперь же ее веки хлопали накрашенными ресницами так, что с них кусками валилась тушь, ланиты горели свекольным румянцем, а губы были старательно обведены Варькиной праздничной помадой и блестели, будто Аллочка только что грызла кусок сала. Дополнял образ невыносимый шлейф духов, которые, вероятно, сестрице остались еще от матушки.

– Все, я готова. Едем в госпиталь, – горделиво выпятила грудь девица на выданье.

– Нет уж. Сначала дела. Ты же помнишь, тебе Фомка сказал, чтобы ты обеда-ужины готовила. Вот и пойдем в магазины. А потом я усядусь к телефону. Надо же все же найти тех дам, которых Псов облапошивал, – изложила свой план Гутя.

– И что, весь мой макияж даром пропадет?

– Подаришь свою красоту продавцам и простым покупателям, – вздохнула Гутя и вышла из двери.

Не успели женщины выйти из подъезда, как случилось нечто непонятное – со скамейки, которая всю жизнь стояла у газона, поднялся приятный, прилично одетый мужчина и напрямик направился к сестрам.

– Извините, это вы Гутиэра? – спросил он Гутю и уставился на Аллочку.

– Да... а вы, вероятно, по объявлению? Жениться хотите? – бросила наметанный глаз Гутиэра Власовна.

– Да хочу... На вашей сестре, – печально произнес красавец. – Вон на ней.

Аллочка задохнулась от восторга, потупилась и залилась румянцем. Причем румянец охватил и шею, и уши, и даже, кажется, руки. Гутя беззвучно зашлепала губами, а потом наконец вымолвила:

– А у вас... справка есть? Ну... что никаких черепных травм... я не знаю...

– У меня все нормально, я вас уверяю, просто... просто я очень хочу жениться на вашей сестре, – еще раз повторил интересный мужчина, с тоской разглядывая облака. – Все со мной нормально, не беспокойтесь.

– Ну... я не знаю... тогда приходите завтра... Поговорим как следует, познакомимся... – не слыша себя, лопотала Гутя. Она хотела еще что-то сказать, но тут вдруг ожила «невеста» и понесла откровенную чушь:

– Я прям и не знаю. У меня уже почти муж генерал... Гутя, ты же мне обещала генерала! Молодой человек, а у вас какое звание?

Мужчина вдруг сообразил, что даму могут увести, и заволновался:

– У меня никакого звания. А зачем оно мне? А вам оно зачем? Мы с вами будем жить долго и счастливо без этого самого звания. Так я к вам завтра приду?

Гутя только молча кивнула, и мужчина, еще раз со вздохом глянув на невесту, убежал, высоко задирая длинные ноги.

– Аллочка... что это было?

– Гутя, ну идем же в магазин! Кстати, я совсем не хочу выходить замуж за этого кузнечика. Я хочу генерала!

Фома несся на стареньком «жигуленке» на завод, где в последнее время трудился Псов. Нужное предприятие он отыскал без труда, а вот как туда попасть, еще не придумал. Завод был обнесен высоченным забором из бетонных плит, и пройти на территорию можно было только через проходные. Проходных

было две. Там на посту сидели преклонного возраста женщины и бдительно охраняли блестящие вертушки, через которые полагалось проходить народу. Фома остановился возле одной такой вертушки, и, пока придумывал, что бы такое сказать, женщина с грозным лицом неприветливо его окликнула:

- Ты когойт здесь выглядывашь?

И Фому понесло. На чело наплыла грусть, в глазах появилась влага, и он, старательно отводя взгляд, хлюпнул:

- Да вот... брат у меня здесь работал... Псов Назар Альбертович... Пришел... Думал, может, у него кто из друзей здесь есть... Так поговорить о брате захотелось...

- Погодь-ка... Псов... Это же Назарка, из нашей смены... Его ж хоронили уже, да? - обратилась охранница к подруге, такой же седой тетушке. - Слышь-ка, Николавна, к Назарке брат пришел.

- Так нету ж его, - удивленно вздернула реденькие бровки Николавна.

- Ну... с другом хочет брат-то поговорить... Чево с им делать-то, пропускать?

Николавна поднялась, подошла к окошку и крикнула Фоме:

- Ты, слыш чево... Ты паспорт покажи свой.

Фома протянул паспорт.

- Дык а чевой-то у вас разны фамильи? - насторожилась охранница.

- У нас с ним матери разные были... - со слезой в голосе проговорил Фома. - У нас только отец общий... Вот поэтому и получилось, что он Псов Назар Альбертович, а я Неверов Фома... Леонидович.

- Ну чево ж, бывает, - вошла в положение Николавна и щелкнула кнопкой. Вертушка закрутилась, пропуская «несчастливого брата» на завод.

– Ты вон туда иди, вишь, откуда дымок? Там Борька Аникеев работает, он больше всех с Назаркой-то дружил. Ты иди, спросишь Аникеева, тебе покажут.

Фома и правда спросил, ему и правда показали. Аникеев был щуплым мужичонкой, с добрыми красными глазами и с младенческим пушком на голове. Он упоенно швырял уголь лопатой в жаркую пасть печи, и по его костлявой спине сбегали струйки пота.

– Здравствуйте! – крикнул Фома. – Мне бы поговорить...

– Мне бы тоже, так вот видишь, едри ее! Не отпускает милашка моя. Сто потов сойдет, пока накормишь. А чего за разговор?

– Брат у меня... Псов Назар... Погиб брат, на похороны я не успел, добирался долго, вот и хочу сейчас с кем-нибудь о нем поговорить, вспомнить...

– Помянуть, что ль? – уже внимательнее посмотрел на непрошеного гостя Аникеев.

– Ну да... и помянуть.

– Так чего сюда пришел? На заводе нельзя, сразу всех премий лишат, а то, чего доброго, и вовсе выпрут. Сейчас сколько времени?

– Так уже час.

– У меня в четыре смена заканчивается. Ты к проходной подъезжай к четырем, я тебя встречу, и помянем. Только не забудь.

До четырех Фома успел съездить в забегаловку, купить нехитрой закуски, выпивки, взял в киоске журнал «Колесо» и уселся дожидаться назначенного часа.

Аникеев не подвел, появился ровно в четыре. Выйдя из проходной, он повертел головой в разные стороны и, заметив, что Фома машет рукой ему из «Жигулей», радостно кинулся к машине.

– Не подвел, значит, молодец, – похвалил он Фому-самозванца. – Ох, а ты и накупил всего! Пра-ально, негоже поминать на сухую-то. Токо слышь че... я это... не могу возле завода. Прямо кто как за руку держит. Ты гришь, что добирался долго, значит, нездешний, выходит, к тебе не поедет. К себе позвать тоже не могу, жена у меня хорошая баба, но мегера. Чистый Геринг. Так что, ежели не брезгуешь, поехали ко мне в гараж.

Фома не стал брезговать, тем более что пить он и вовсе не собирался – за рулем. И вскоре новые друзья остановились возле подземных гаражей.

– Ты машину-то здесь оставь, не тронут, а сами пойдем, посидим, – позвал Аникеев. – У меня там чисто, не бойсь.

В гараже было на самом деле чисто. Диванчик застелен пледом, подушка с шелковой цветастой наволочкой, в углу то ли маленький столик, то ли тумбочка и... никаких следов машины.

– Машину-то у меня угнали еще лет семь тому назад. Да, – пожаловался Аникеев, будто подслушав мысли Фомы. – А вот здесь твой братец и жил...

– Как... как это здесь? – разволновался Фома.

– Да как... Каким кверху! Ты чего не разливаешь-то? Вот ведь я поставил стопки. Здесь он жил... Не всегда, конечно, когда с очередной бабой не уживался... А он отчего-то никогда ни с одной бабой ужиться не мог. Такой прямо нежный был, не приведи господь. Я вон со своей уже сколько мучаюсь, а ведь ничего, терплю. А он нет, чуть что не так, и ко мне в гараж. Гордый был. Давай помянем. А тебе нельзя, ты за рулем. Ну да я один.

Фома терпеливо ждал, пока мужичок выпьет, потом тщательно закусит все это дело порезанной колбаской и настроится на продолжение разговора.

– Мы с Назаркой-то и подружались через этот гараж. Мужики у нас на работе болтают про комнатку-то эту, сами здесь не раз пили, ну и ему, видать, болтанули. Вот он и прицепился – пусти да пусти жить. Тебе же, говорит, удобнее. Сам дома спишь, а я в гараже. И уж точно знаешь, что никакая холера сюда не сунется. Я пустил, конечно, мне не жалко. А только потом подумал – а какого хрена ко мне кто залезет, машину-то все равно уже сперли! А только

Назару ничего не говорил, пусть живет, ежели негде больше. А вот ты мне скажи... как тебя?

– Фома.

– Вот и скажи мне, Фома, чего ж ты брату-то не помог? Не дело ж это, чтоб человек без угла проживал.

– Да я... Дурак был. Вот теперь каюсь... А у брата были вещи какие-нибудь, может, письма, записки?

– Думаешь, он деньги запрятал? Не было у него денег, он мне сам говорил.

– Мне не нужны его деньги, мне... ну, может, письма, я не знаю...

– А ты налей, пока я вспоминать буду, – распорядился Аникеев.

Фома щедро налил водки в стопку и пододвинул хозяину гаража. Борис опрокинул в себя стопочку, на короткий миг перекосясь, выдохнул и сообщил:

– Вон в том столе посмотри. Там у него валялись какие-то бумажки. Мне-то некогда у него по ящикам рыться, а тебе если что надо – забирай. Как-никак ты – родная кровь... Хоть и хреновая!

Фомка залез в столик. На верхней полочке аккуратно стояли банки с солью, с сахаром и, кажется, еще с какой-то крупой. Тут же находились красная пачка чая и кружки с чайными ложками. На нижней же полке лежал обыкновенный детский портфель, с которым детишки ходят в школу. Портфель был тоненький и ужасно потрепанный.

– Вот это можно мне с собой взять? – дрожащим голосом спросил Фома.

– Покажь, чего там? – пьянел прямо на глазах Аникеев.

Фома нажал на блестящий замочек, и портфель открылся. Два любовных романа, смятый журнал с откровенными снимками, ручка, карандаш красного цвета и целая подборка из старых газетных листов, бережно сцепленных скрепкой.

– Забирай, – махнул рукой Аникеев. – Наливай давай, что ты сюда, за этим хламом, что ли, притащился?

Фома и не надеялся, что ему попадется такой «хлам»! Обретя такую находку, захотелось поскорее остаться одному. Он еще не успел толком разглядеть, что там такое под скрепками, но справедливо полагал, что это было Псову дорого. Однако к Аникееву тоже каждый день бегать не станешь, поэтому Фома налил хозяину еще стопку и спросил:

– Я вижу, ты друг хороший, надежный, а врагов на работе у брата не было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yuzhina_margarita/homut-na-lebedinuyu-sheyu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)